
Саванна Куинн
Старая жена
для
юного принца
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Саванна Куинн
Старая жена для юного принца

https://litres.ru/74903202
SelfPub; 2026

Аннотация

Попасть из унылой, одинокой жизни незамужней женщины в другой мир, в тело принцессы могущественной Империи. Казалось бы, что может быть лучше?

Вот только принцессе сорок пять. С детства её имя обросло грязными слухами о крайне скудных умственных способностях, а сама она столь безобразна, что зеркала боятся её отражать. Собственная семья её презирает. Подданные смеются ей вслед, даже не понижая голоса.

И это ещё не худшее.

Потому что у принцессы есть жених. Молодой. Прекрасный. Младше её почти на двадцать пять лет. А у жениха многочисленная родня, чьи слова режут острее ножа, а взгляды препарируют заживо.

Как выжить в мире, где тебе не рад никто? Где опасность поджидает не в тёмных переулках, а улыбается тебе за завтраком?

Как избавиться от навязанного брака?

И главное: стоит ли, если жених невероятно красив, обаятелен и не в меру талантлив?

Первая книга трилогии «Старая жена для юного принца».

Содержание

Книга 1. 4
Конец ознакомительного фрагмента. 112

Саванна Куинн
Старая жена для юного принца

Книга 1.

Глава 1

— Сорок пять! Сорок пять лет!! — Громогласно взвыла тётушка Ира, и её голос раскатисто прогрохотал по уютной кухне, заставив бокалы на столе мелко задрожать, словно в испуге.

Самой тётушке было уже далеко за шестьдесят, но в своём воображении она оставалась вечно молодой, полной неукротимой энергии.

— Когда я выходила замуж в двадцать три года, я уже чуть ли не старухой считалась!

— Это было очень давно, тётя Ира, — не удержалась я от ехидного замечания, пытаясь хоть словом вклиниться в её монолог.

— Нет, ты только вдумайся в эту цифру: сорок пять лет! — тётка даже не заметила моей реплики, вцепившись в любимую тему мёртвой хваткой.

Она всегда была такой — упрямой, неумолимой, с голо-

сом, способным перекрыть шум городского трафика в час пик.

— И ты до сих пор не замужем! Это же уму непостижимо! Кого, скажи на милость, ты дожидаешься? Принца на белом коне? Так вот тебе новость: он давно проскакал мимо! Причём лет двадцать назад! А ты всё сидишь и чаи гоняешь, как последняя старая дева!

Я уставилась на тётку с лёгким недоумением, чувствуя, как в голове начинает раскручиваться тугой клубок нерадостных мыслей — о проклятых общественных стандартах, о бесконечных вопросах родственников, на которые не существовало ни одного внятного ответа.

Взяв бокал с вином, я сделала небольшой глоток, искренне надеясь, что терпкий вкус поможет прогнать нарастающее раздражение.Надежда оказалась тщетной.

— Можешь не волноваться за меня так сильно, — произнесла я, придавая голосу уверенность, которой в этот момент не чувствовала ни на грамм. — В моём возрасте пора учиться жить для себя, а не для кого-то другого. У меня есть свои мечты, планы на будущее.

— Планы, планы! — перебила меня она. — Да твои планы даже вороне на заборе на склоне лет не нужны будут! На что ты будешь жить, когда на пороге окажется старость? Никакие мечты не накормят и крышу над головой не обеспечат! Кто, как ты думаешь, тебя обихаживать будет? Уж не думаешь ли ты, что соседские кошки тебе памперсы менять станут?

Или участковый врач круглые сутки дежурить станет? Или голуби на подоконнике лекарства принесут?!

Тётка выдержала театральную паузу.

— Эх ты, непутёвая! Замуж надо было выходить в своё время и детей рожать! Хоть кто-то в старости стакан воды подал бы!

Моё недоумение перерастало в раздражение. Неужели она серьёзно думала, что все эти годы я не пыталась?! Не строила отношения, не искала достойного мужчину? Ведь тётя лично видела меня в те моменты — разбитую, в слезах, после очередного предательства. Видела, как я горько рыдала, когда вскрывалась очередная ложь и я снова оставалась одна в пустой квартире.

Одна.

Я всегда оставалась одна.

И многочисленная дальняя родня никогда не давала мне забыть об этом. Просто потрясающая группа поддержки.

— И вообще, у Татьяны уже скоро внуки будут, — разумеется, она не могла обойтись без упоминания своей любимой дочери и её многочисленного потомства. Куда же без её любимейшей темы, которая выстреливала в каждом разговоре, как пробка из бутылки шампанского.

— Да, да, да, знаю, — ответила я с нескрываемым раздражением. — Каждый раз, когда ты приходишь в гости, ты не забываешь напомнить мне о Татьяне и её якобы идеальной жизни. Но выслушивать это снова и снова мне порядком на-

доело.

Лично я не считала жизнь кузины идеальной — была прекрасно осведомлена обо всех материальных и жилищных проблемах, неустанно преследующих её семью. Равно как и не считала образцовым её уже *третий* по счёту брак.Тётя, совершенно не обращая внимания на моё недовольство, продолжила:

— Алиночке ещё и восемнадцати нет, а от женихов уже отбоя никакого нет! Да и Яна в свои тринадцать лет — настоящая красавица! Я их раньше замуж выдам, чем на твоей свадьбе когда-нибудь погуляю. Если, конечно, ты вообще до свадьбы доживёшь! А то, глядишь, так и помрёшь в гордом одиночестве, и некому будет даже поминки устроить!

Я лишь тяжело вздохнула. Характер у тёти всегда был отвратительный, но в последние годы она стала совершенно невыносимой. Находиться с ней в одном помещении дольше пяти минут было подвигом, достойным орденов, медалей и как минимум нескольких почётных военных званий.

— Алиночка недавно первое место в соревнованиях по восточным танцам заняла, такая ладная, гибкая девочка у нас выросла…

Тётя что-то продолжала говорить, но я уже не прислушивалась, окончательно уйдя в собственные мысли.

Личная жизнь откровенно не сложилась. С детства родители требовали полной самоотдачи в учёбе — ни о чём другом даже думать не позволялось. Пока подруги бегали на

первые свидания и строили робкие отношения, у меня были свидания исключительно с учебниками, а все романтические чувства свелись к нескольким влюблённым взглядам на симпатичного парня из соседнего двора.

В институте стало хуже: подруги поголовно выходили замуж, а родители давили с удвоенным энтузиазмом. К двадцати пяти я осталась единственной девушкой в компании без парня. К тридцати — единственной без мужа. К сорока пяти — единственной без парня, без мужа и без детей.

Тройной рекорд, так сказать.

Именно поэтому я твёрдо решила встретить свой день рождения в полном одиночестве, основательно устав от чужих сочувственных взглядов, горестных вздохов пожилых родственников и откровенно презрительных усмешек замужних дам.

Но не тут-то было: мой выстраданный покой поздним вечером безжалостно нарушила не в меру бодрая тётка с бутылкой дешёвого вина и коробкой просроченных конфет под мышкой.

— …как говорится, сорок пять — баба ягодка опять, а пятьдесят пять — уже сухофрукт! — громогласно завершила тётка свою речь.

Я резко вздрогнула и, несколько раз моргнув, с трудом вернулась в реальный мир.

— Раз свою семью создать так и не удалось, надо хотя бы уметь ценить данных Богом *кровных* родственников, — про-

должала тётка назидательным тоном, от которого у меня начинало ныть где-то за левым ухом. — И серьёзно подумать о том, кто будет заботиться о тебе в старости, когда станешь слабой и немощной!

— Тётя, вы вино допивать будете или как? — спросила я, заметив, что жидкости в бутылке осталось буквально на донышке — притом что сама я к алкоголю практически не притрагивалась.

— Фи, и что там допивать? — скривилась она с искренним пренебрежением. — Поздно уже, домой пора, мне ещё Артёмушке ужин готовить надо. — Вот она наконец добралась и до третьего внука. — А ты как следует подумай над моими словами, а то останешься в полном одиночестве, как старая ведьма!

Прощаться тётка не стала — просто вышла, от души хлопнув дверью.«И кто тут ещё старая ведьма», — мрачно подумала я ей вслед.

Снова вздохнув, я подошла к кухонному окну и уставилась в темноту двора. В ярком свете уличных фонарей из подъезда выплыла её монументальная фигура и бодрым темпом направилась к автобусной остановке. А я так и осталась стоять, прислонившись лбом к холодному стеклу.

Едва я закончила институт, семья принялась давить ещё сильнее — требуя устроиться на работу и начать самостоятельно зарабатывать. И тётка была в числе первых, кто увещевал меня, что не глупостями надо заниматься и по свида-

ниям бегать, а самой себя обеспечивать.

Полезных связей у нашей семьи отродясь не водилось, поэтому я устроилась обычным менеджером в самый заурядный магазин. Потом перешла в другой. Затем в третий. Сейчас работаю в магазине электротоваров.

Ни карьерных перспектив, ни достойных денег, ни личной жизни.

Здравствуй, депрессия.

От этих мыслей я резко отвернулась от окна и неосторожно наткнулась на кухонный стол. Недопитая бутылка вина опасно зашаталась и, прежде чем я успела её поймать, с оглушительным звоном рухнула на пол, разлетевшись на сверкающие осколки.

Шипя сквозь зубы проклятия, я торопливо опустилась на корточки — одной рукой осторожно собирая острые обломки стекла, другой потянулась за тряпкой к мойке.Но нога поскользнулась на пролитом вине.

Меня резко мотнуло вправо. Я хаотично замахала руками, пытаясь сохранить равновесие, — но было уже поздно. С резким, неприятным звуком я влетела виском прямо в острый угол стола — и мир перед глазами померк, стремительно погружаясь в бездонную тьму.

Глава 2

— Ваше Высочество! Ваше Высочество, проснитесь! — Тонкий женский голос сверлил мне уши с настойчивостью

комара.

Я попыталась отмахнуться от назойливых звуков, перевернувшись на бок. Неужели опять вырубилась под сериал? Хотя нет, от сериалов голова так не раскалывается…

— Ваше Высочество, да проснитесь же! Мы почти на месте! — продолжал зудеть всё тот же тонкий голосок, в котором отчётливо сквозили нотки отчаяния.

Да что это за сериал такой назойливый? Может, включился на повтор?

Ноги затекли, голова пульсировала болью — каждый удар отдавался где-то за глазами. А дорога… О, эта дорога заслуживала отдельной оды. Нет, скорее погребального марша. Наша карета подпрыгивала и раскачивалась с таким остервенением, что казалось, возница специально высматривал каждую выбоину поглубже, каждый ухаб попросторнее, словно получал за это отдельную плату. Впору было думать, что мы не едем вовсе, а участвуем в каком-то средневековом родео, где роль разъярённого быка исполняет исключительно разбитый до состояния лунного кратера тракт.

Стоп.

Какая. К демонам. Карета?

Какой. Тракт?!

Глаза распахнулись сами собой. В полумраке проступили очертания кареты — самой настоящей кареты с кожаной обивкой и деревянными панелями, исписанными витиеватой резьбой. Канделябры, вмурованные прямо в стены, отбрасы-

вали причудливые тени. Колёса грохотали по неровной дороге, и вся конструкция тряслась в лихорадке, грозя вот-вот развалиться на составные части.

Напротив меня сидела худенькая девушка с россыпью веснушек на носу, одетая в платье служанки — словно она только что шагнула с экрана исторического фильма. Пушистые волосы с рыжеватым отливом обрамляли личико с маленьким курносым носиком и розовыми пухлыми губами. Огромные глаза девушки смотрели на меня с искренней тревогой. Я же полулежала на плюшевом сиденье, укутанная в какую-то пушистую шкуру.

— Что за чёрт? — прохрипела я и тут же закашлялась так, что едва не вывернуло наизнанку. Горло саднило, словно я проглотила горсть битого стекла вперемешку с песком.

— Ах, Ваше Высочество, ну что поделаешь! — всплеснула руками девушка, нервно теребя подол своего платья. — Порталом никак нельзя было! Церемониал строжайше запрещает невесте принца подобные вольности. Приходится по старинке, на лошадях. Вы же знаете, как герцог Локсли блюдёт приличия! Для него традиции — это святое!

— Какой, к демонам, герцог?? — Мой голос звучал как наждачная бумага по ржавому металлу.

Из всех знакомых мне герцогов был разве что соседский пёс на даче — гавкучий толстопузый алабай по кличке Герцог Третий, достойный наследник не менее шумных и пушистых предшественников.

— Его Светлость Эдвард Локсли, разумеется! — Служанка уставилась на меня с нескрываемым ужасом.

Карета снова подскочила, и новая волна боли накрыла меня с головой. Стон сорвался с губ помимо воли.

— Потерпите ещё часок, до Виридии рукой подать, — утешала девушка, и глаза её светились такой искренней заботой, что стало даже неловко. — Совсем скоро будете отдыхать в мягкой постели! С пуховыми перинами!

Я обхватила голову обеими руками, словно боялась, что она сейчас просто расколется пополам. *Где я?* Что происходит? Какая Виридия? Какие герцоги и порталы?! Почему вокруг меня декорации к историческому фильму, а голова трещит так, будто по ней проехался целый караван верблюдов?!

Последнее, что я помнила — как ко мне в гости явилась тётушка с бутылкой дешёвого вина, и мы распили его на двоих под задушевные разговоры о том, какая же моя жизнь никчёмная. Может, алкоголь оказался палёным, и теперь мне мерещится всякая чертовщина?

«Или же сердобольная тётка подсыпала мне в вино какую-то отраву, чтобы я больше не мучилась от одинокой и пустой жизни», — мелькнула в глубине сознания ехидная мысль и тут же исчезла, как тень от облака. Нет, при всех её многочисленных недостатках, отравительницей тётка точно не была. Скорее всего, мне просто снится на редкость реалистичный и весьма изощрённый кошмар. Вот сейчас проснусь на своём любимом диване с затёкшей шеей, похмельем и га-

рантированной ненавистью к дешёвому алкоголю.

— Почему дорога в таком отвратительном состоянии? — выдавила из себя единственный вразумительный вопрос, который сумела сформулировать.

— Так ведь все теперь порталами пользуются! — захлопала глазами служанка, словно это было очевиднее дважды два. — И торговля, и путешествия — всё через порталы. Кому теперь дороги нужны? Если бы не герцог Локсли и его приверженность традициям, Его Высочество и вас согласился бы во дворце через портал принять. Но характер у Его Светлости…

Опять этот чёртов герцог! Уже приелся, как застарелая зубная боль.

Что это за сон такой извращённый? С чего вдруг мне вообще снится это дурацкое средневековье с порталами?! Или что это вообще такое?!

— Напомни мне… светлая девица, — я прижала ладони к вискам, пытаясь унять пульсацию. Как же было принято обращаться к юным девушкам в прошлые века, чёрт побери? — Где мы вообще находимся?

— Великие Боги, как же вас сморило в дороге! Вы так долго спали, что я уже начала переживать! — покачала головой девушка с искренним сочувствием. — В Виридии мы, столице королевства Эльдоран! Восьмой день уже в дороге! С самого начала плохо вам было, всё тошнило да мутило. Я лекаря даже вызывала — осмотрел вас пару дней назад,

сказал, пока не приедем, легче не станет. Настойку укрепляющего отвара оставил да посоветовал кислого побольше пить. Вот, кстати, экстракт жёлтой лидры не желаете? — Она сунула мне под нос керамический кувшин с отвратительно пахнущим пойлом ядовито-жёлтого цвета, от которого тут же защипало в носу.

— Нет, благодарю, — я поморщилась. Тётушкино вино и то пахло лучше. — Обойдусь пока без этой самой гидры…

— Лидры, — робко поправила служанка. — Слава Богам, вам стало лучше! А то с каждым днём вы всё угасали и угасали на глазах…

Но я её уже не слушала — уставилась в окно кареты.

А посмотреть было на что!

Карета как раз скатывалась с невысокого пригорка, и передо мной, словно иллюстрация из детской книги сказок — той самой, зачитанной до дыр — открылся уютный городок. Он напоминал те маленькие старинные европейские городки, что я так любила рассматривать на фотографиях в интернете и в видеороликах путешественников, но где никогда, никогда не бывала в своей серой жизни.

Аккуратные домики с черепичными крышами и резными ставнями утопали в тенях раскидистых деревьев. Узкие мощёные улочки петляли между домами, словно капризные ручейки. Вывески лавок и таверн покачивались на лёгком вечернем ветру — разноцветные, яркие, манящие. Из труб поднимались тонкие струйки дыма — видимо, хозяйки го-

товили ужин. Где-то вдалеке мяукал кот, лаяла собака, и эти звуки были такими домашними, такими уютными, что на мгновение защемило сердце.

Этот город дышал спокойствием и безопасностью — здесь хотелось остаться, укутаться в тёплый плед с чашкой горячего чая и смотреть в окно на неспешную, размеренную жизнь, забыв о своей.

Небо над горизонтом постепенно темнело, окрашиваясь в нежные переливы синевы, пурпура и золота. В городе один за другим загорались фонари — тёплый медовый свет растекался по мостовой.

Вот только прохожие…

Они замирали. Не просто поворачивались посмотреть на проезжающую карету — а именно замирали, как по команде: разговоры обрывались на полуслове, движение останавливалось, и десятки глаз провожали нас долгими, тяжёлыми взглядами. Молча. Не мигая. Когда карета проезжала мимо — они разворачивались вслед, и тишина, которую они оставляли за собой, была какой-то очень плотной, очень осознанной.

Я не придала этому особого значения — потому что взгляд неотвратимо, точно притянутый магнитом, скользнул к самому центру, туда, где возвышался дворец.

Белоснежный. Ослепительно, нереально белоснежный.

Даже в сгущающихся сумерках он сиял так, будто был соткан из лунного света и первого снега. Острые шпили дерз-

ко пронзали потемневшее небо; ряды высоких арочных окон струили тёплый золотистый свет — и весь этот огромный белый камень превращался в живой маяк, в ожившую фантазию.

Дворец окружала такая же сверкающая белоснежная стена с зубцами — не серая, не потемневшая от времени и непогоды, а именно ослепительно белая, словно её каждый день чистили и полировали не покладая рук целая армия слуг. По обеим сторонам широких кованых ворот — настоящих произведений кузнечного искусства с витыми узорами, по краям которых были выгравированы незнакомые мне руны — в парадной форме застыла стража. Высокие, статные, неподвижные, как изваяния.

— Королевские гвардейцы, — с нескрываемой гордостью блеснула знаниями служанка. — Лучшие воины королевства! Их отбирают с детства!

Наша карета стремительно двигалась к дворцу. Дорога заметно улучшилась — ближе к воротам за ней явно следили. Усталость от многодневной тряски начала утихать, а боль в голове, терзавшая меня всё это время, словно отступила, позволяя сосредоточиться на окружающем мире.

Взгляд прояснился, улавливая мелкие детали: впереди и позади нашей кареты, словно почётный эскорт из старинных легенд, следовали всадники в сверкающих в лучах заходящего солнца доспехах. Их мечи, время от времени ударяясь о ножны, издавали мелодичный звон, а на их плащах я разли-

чила вышитые гербы — что-то вроде грифона на фоне восходящего солнца. Кони шли ровным шагом, их грива развевалась на ветру.

Я даже ненадолго залюбовалась открывшейся картиной — это было настолько красиво, настолько похоже на ожившую сказку, что на мгновение забыла обо всём: о своей квартире, о тётушке, о странности происходящего, о том, что всё это просто невозможно.

«Хм, кажется, в последнее время я даже не смотрела ни одного исторического сериала, не читала фэнтези, — задумалась я. — Откуда же тогда такие яркие, детальные образы?»

И тут — запах.

Густой, тяжёлый, совершенно не сказочный: пот лошадей, кожа упряжи, горячая пыль дороги. Он пробился сквозь всё — сквозь красоту неба, сквозь медовый свет фонарей, сквозь удобное объяснение про тётушкино вино.

Во снах так не пахнет.

Я медленно опустила взгляд на свои руки. Пальцы сжимали край меховой шкуры — жёсткой, чуть свалявшейся, с зацепившейся ниткой. Я потянула её. Нитка не исчезла. Не растворилась. Просто осталась висеть.Это не сон».

Но если не сон — то что?!

***

Я вновь обернулась к окну, любуясь мирным городком с аккуратными черепичными крышами и грандиозным двор-

цом на горизонте. «Вот так, Лерка, это тебе не водонагревателями в захудалом магазинчике торговать, — мелькнула шальная мысль. — Такой красоты ты отродясь не встречала!»

— Ой, Ваше Высочество, надо бы вас в порядок привести! Мы ведь скоро прибудем! А вдруг вас сам принц встречать будет? — переполошилась служанка.

— Девушка… гражданочка… в общем, как тебя зовут? — запуталась я в словах, не в силах вспомнить, как в прежние времена полагалось обращаться к слугам.

— Хельга, Ваше Высочество.

— Вот что, Хельга, есть ли у тебя зеркало?

Не помешает узнать, как я выгляжу. Вдруг во сне отросли усы кошачьи да копытца козлиные? Рот жабий да хвост собачий? И хорошо, если не всё сразу.

— Конечно, Ваше Высочество.

Девушка склонилась к большой плетёной корзине на соседнем сиденье и вытащила внушительное зеркало в серебряной оправе с изящной ручкой. Я буквально выхватила его, не в силах дождаться.

Когда я развернула зеркало к себе, меня захлестнула волна холодного ужаса.

Нет, хвост и усы не появились. Но увиденное было немногим лучше.

Из зеркала на меня смотрела женщина — и хотя это была *я*, поверить в это не представлялось возможным.

Каштановые волосы с лёгкой проседью на висках спадали неопрятными сальными прядями. Высокий лоб иссекали морщины — не те изящные, едва заметные, что остаются от смеха, а глубокие, сухие борозды, уродовавшие и без того не самое привлекательное лицо. Кожа — землистая, с нездоровым желтовато-серым оттенком — обвисала у скул, собиралась в складки у уголков рта. Маленький круглый нос, широкий подбородок с заметными брылями, нависшие веки, из-под которых смотрели потухшие, унылые глаза.

Никакой жизни. Только безразличие и гнетущая, въевшаяся в каждую черту обречённость.

В своём мире мне тоже было сорок пять лет. Но я знала своё отражение так же хорошо, как знают дорогу домой: бассейн трижды в неделю, правильное питание, ни одного дня со следами усталости на лице. Не красавица в расхожем понимании, зато живая, ухоженная, настоящая.

А это была пародия. Карикатура, нарисованная небрежной дрожащей рукой.

Лишний вес — не катастрофический, но безоговорочный — оплывал на фигуре так, словно тело давно прекратило всякое сопротивление. Плечи ссутулены, шея вдавлена в них, осанка сломлена.

Ни тонуса, ни формы — просто усталая оболочка, которую давно перестали хоть как-то содержать в порядке. И руки — ко всем чертям, эти руки! — тёмные, будто их хозяйка провела бесчисленные часы под палящим солнцем, копаясь

в земле. Резкий контраст с зеленоватым, почти мертвенным оттенком лица вызывал отвращение.

— *Что со мной?* — прохрипела я в ужасе.

— Что вас беспокоит, Ваше Высочество? — Хельга немедленно подалась ко мне. — Вам было так скверно последние несколько дней, но свежий воздух наконец подействовал! Посмотрите только — какой румянец на щёчках! Кожа разгладилась! Взгляд стал куда живее…

Я снова уставилась в зеркало. Нависшие веки, бледность мертвеца — неужели это действительно я?

Если сейчас я выгляжу лучше, то какой же была раньше?!

— Не переживайте, — щебетала Хельга. — Расчешем волосы, поправим платье, губки накрасим — и будете настоящей красавицей!

Её уверенность бесконечно раздражала и успокаивала одновременно. Я усмехнулась: даже в такой ситуации, в долгой дороге с откровенно некрасивой госпожой, она продолжала верить в чудеса. Расчёска и помада? Серьёзно? Я окинула отражение критическим взглядом. Тут скорее требовалась артиллерия потяжелее — целая бригада пластических хирургов, да ещё взвод персональных тренеров в придачу.

Хельга времени зря не теряла — она уже расчёсывала мои волосы, причитая, какая я красивая и очаровательная. Скорее всего, бедная девушка была искренне привязана к своей хозяйке.

— Хватит, — я попыталась вырваться.

— Сейчас, совсем немного! — Она принялась что-то утягивать за моей спиной — подозрительно похожее на корсет. На чертовски жёсткий корсет.

— Хельга! — я всё-таки вырвалась, едва не приложившись головой о ближайший светильник.

И тут в памяти вспыхнуло — разбитая бутылка вина… красные капли на мебели…

Вино или кровь?!

Что-то острое, тёмное кольнуло под рёбрами. Мысль уже начала складываться сама собой — я почувствовала это, как чувствуют края пропасти в темноте, — и изо всех сил оттолкнула её прочь. Нет. Только не это. Я просто ударилась. Всё остальное — бред.

Меня пробила крупная дрожь. Я сама не сразу это заметила.

— Ну что же вы так волнуетесь, Ваше Высочество, — забеспокоилась Хельга, явно неверно истолковав причину моей дрожи. — Мужчины не такие страшные существа, как вам кажется. А про принца Эйдариана и вовсе говорят, что редкостный красавец! К тому же единственный наследник королевства. Ну и что, подумаешь, младше вас намного! Так это даже хорошо. Молодой и богатый мужчина рядом — о чём ещё можно мечтать?

Она смущённо захихикала, а я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Принц Эйдариан, или как его там, беспокоил

меня в последнюю очередь. Куда больше интересовало другое: как я здесь оказалась и что, чёрт возьми, со мной произошло.

— Хельга, ты говорила, мы давно путешествуем вместе? — осторожно спросила я.

— Восьмой день в дороге, — она поправляла складки моего платья. — А в услужении у вас я уже третий год.

Нет. Что-то не сходится. Головой я приложилась только сегодня — как эта девушка может работать на меня несколько лет? Что это вообще за место?

— Вот так куда лучше, — Хельга разгладила кружева и довольно кивнула своей работе. — Давайте ещё переобуемся.

Она снова полезла в необъятную корзину. Я опустила взгляд — и едва не застонала.

Моё грузное тело обтягивало платье из тяжёлой ткани грязно-коричневого цвета, нелепо украшенное по подолу и манжетам такими же безвкусными коричневыми кружевами. Ноги были обуты в нечто, смахивающее на грубые башмаки. Приподняв подол, я с нарастающим ужасом убедилась: этому телу были неведомы эпиляция и хоть какой-то намёк на уход. Ноги покрывали густые тёмные волосы, кожа на коленях потрескалась от сухости.

«Может, это ад — просто извращённый такой», — подумала я. Иначе как объяснить, что из живой, ухоженной женщины я превратилась в это… *чудовище?*

Хельга успела переобуть меня в относительно приличные туфли на низком каблуке — и как раз вовремя. С улицы послышались взволнованные мужские голоса, под копытами лошадей зазвучала брусчатка.

— Ваше Высочество, смотрите, какая красота! — ахнула служанка.

Она прильнула к стеклу. Я последовала её примеру — и дыхание перехватило.

Мы только что проехали сквозь массивные ворота, охраняемые вытянувшимися в струнку гвардейцами. Дворцовая площадь купалась в ослепительном сиянии бесчисленных фонарей и мерцающих гирлянд. Но все эти огни меркли перед зрелищем в самом сердце площади.

Исполинский фонтан возвышался словно алтарь древних богов. Его мраморный постамент венчали две руки — не просто переплетённые, а намертво слитые воедино. Белоснежный камень был выточен с таким мастерством, что живые пальцы, казалось, навеки сомкнулись в нерушимой клятве. Невероятный белый свет струился из глубины камня, озаряя площадь с яркостью летнего полудня. Серебряные капли воды поднимались вокруг каменных рук, будто благословляя этот древний символ власти.

— Герб правящего дома Винтерхейлов, — прошептала Хельга. — Две руки, что никогда не разомкнутся.

Карета остановилась.

Снаружи послышались чёткие шаги. Дверца распахну-

лась, явив вышколенного лакея в роскошной ливрее. Он низко поклонился:

— Ваше Высочество, принцесса Лилабелль Кентерийская, добро пожаловать в Виридию. Разрешите проводить вас во дворец.

Лилабелль Кентерийская.

Это обо мне?!

Я застыла, оглушённая всем разом: светом, шумом, роскошью, толпой за порогом кареты. Помимо дворцовой челяди, на каждой ступени лестницы замерло по два гвардейца, образуя живой коридор к огромным двустворчатым дверям. А на первой ступени неподвижно стоял высокий худой мужчина лет пятидесяти — темноволосый, с пронзительным испытующим взглядом.

— Выходите, выходите, Ваше Высочество, — донёсся панический шёпот Хельги.

Я с трудом поднялась на затёкшие ноги. Пошатнулась. Судорожно схватилась за дверцу. Тело налилось свинцовой тяжестью, платье с непривычки казалось невыносимо длинным и тяжёлым, кружева цеплялись за ноги, грозя опрокинуть меня наземь. Лакей молниеносно перехватил меня за локоть, помог спуститься — и ни единый мускул не дрогнул на его профессиональном лице. Он всё ещё придерживал меня — видимо, небезосновательно — и медленно подвёл к тому высокому мужчине у лестницы.

По мере того как я приближалась, взгляд незнакомца ста-

новился холоднее. А когда между нами осталось не больше двух шагов — в этом взгляде не осталось ничего, кроме откровенного скепсиса.

— Его Светлость, герцог Эдвард Локсли, — с поклоном представил его лакей — и растворился, будто здесь никогда не стоял.

Герцог смотрел на меня тяжело, почти осязаемо. Так не смотрят на гостей. Так смотрят на проблему.

Порыв холодного ночного ветра хлестнул по лицу. Фонтан грохотал за спиной. Белый свет слепил глаза. Я стояла перед этим человеком в нелепом коричневом платье, в чужом теле, с чужим именем — и с совершенно пустой памятью о том, как сюда попала.

И тогда меня пронзила мысль, от которой похолодела кровь в жилах:

Что, если всё это не сон? Что, если всё это — невероятная, невозможная… реальность.

***

— Здравствуйте, Ваше Высочество, — холодным, но безупречно вежливым тоном произнёс он. — Надеюсь, ваша дорога в Эльдоран была лёгкой и полной приятных впечатлений.

— Здрав-ствуйте… Ваша Светлость, — под тяжёлым, колючим взглядом мужчины я судорожно вспоминала, что говорила про него служанка и как к нему полагается обращаться. — Да, спасибо, доехали хорошо…

Господи боже, да что я мямлю! Всегда считала себя женщиной с острым языком, а тут заикаюсь как первоклассница на первой в жизни школьной линейке! Но, признаться откровенно, вся эта ситуация выбила меня из колеи начисто — *я не понимала* ни где нахожусь, ни кто я вообще такая.

— Его Высочество принц Эйдариан очень хотел встретить вас лично, но, думаю, вы прекрасно знаете, сколько у него забот накануне вашей свадьбы.

По губам герцога скользнула тонкая улыбка и тут же растаяла, словно её и не было.

— Н-нашей свадьбы? — переспросила я.

Да что с тобой, Лера? Срочно возьми себя в руки!

— Разумеется, Их Величества тоже очень хотят вас видеть, — всё тем же безупречно стерильным тоном продолжал герцог. — Но они понимают, как вы устали с дороги, поэтому приглашают вас с утра присоединиться к ним за завтраком.

— С-спасибо, конечно, — снова промямлила я.

Их Величества? А это кто такие вообще?!

Герцог стоял, слегка наклонив голову к правому плечу, и продолжал улыбаться всё той же понимающей, лёгкой улыбкой, которая уже начинала меня раздражать. Его богатый камзол, расшитый серебряными нитями, переливался в свете фонарей.

— Принимать в столице Эльдорана принцессу из Великой Кентерийской Империи для нас большая честь, — продолжал свою речь мужчина, не сводя с меня пронзительного

взгляда. — И ещё большая честь, что вы скоро станете частью правящего рода Винтерхейлов.

Тонкая улыбка, что померещилась мне в прошлый раз, теперь отчётливо укоренилась в уголках его губ. Словно он сам не верил собственным словам и считал их какой-то очень весёлой шуткой, но безупречное воспитание не позволяло ему расхохотаться в голос.

Я же продолжала стоять истуканом, никак не комментируя эти речи. Да и что мне ему сказать? Я не знала его, не знала этого места — к демонам, я даже толком не знала, кто я сама такая! Но герцог казался совершенно не огорчённым моим молчанием — напротив, словно именно такой реакции и ожидал. Видимо, он был не слишком высокого мнения об умственных способностях принцессы из Великой Кентерийской Империи.

— Эндрю проводит вас в ваши покои, — Эдвард Локсли сделал едва заметный жест рукой, и перед нами снова материализовался давешний лакей. — Обустраивайтесь на новом месте. Служанки дворца помогут почувствовать себя как дома.

— Кстати, о служанках, — встрепенулась я, хватаясь за первую вразумительную мысль. — Со мной прибыла одна девушка, Хельга… — я подняла глаза на герцога и снова наткнулась на этот чёртов смеющийся взгляд. — Я бы хотела, чтобы её поселили в моих покоях…

— Как пожелаете, Ваше Высочество. Как пожелаете, —

он низко поклонился, и в его исполнении этот жест выглядел откровенной насмешкой. — Все ваши желания будут учтены и незамедлительно исполнены.

Он коротко взглянул на лакея, и тот тут же шагнул вперёд.

— Прошу вас, я покажу вам комнаты, — лакей тоже поклонился, но без издёвки. — За багаж не переживайте, его доставят чуть позже. Вашу свиту также разместят с должным комфортом.

До меня только сейчас дошло, что помимо охраны меня сопровождало ещё несколько карет, из которых в этот момент выходили люди в пышных одеяниях. Я обернулась и увидела Хельгу — она стояла возле кареты и нервно переминалась с ноги на ногу, явно не зная, что делать. Девушка тут же вскинула на меня взгляд, и я сделала быстрый взмах рукой, подзывая её к себе. По крайней мере, её я хоть немного знаю.

Лакей Эндрю двинулся вперёд, показывая нам дорогу мимо почётной шеренги гвардейцев. Хотя сейчас вся эта церемония начинала казаться мне каким-то издевательским фарсом.

Широкие двери дворца распахнулись, впуская нас в залитый светом холл. Я замерла на пороге, не в силах оторвать взгляд от открывшегося великолепия. Белоснежный мрамор стен и пола пронизывали тонкие прожилки золота и серебра. Под светом хрустальных люстр, горевших тысячами огней, благородный металл вспыхивал и переливался,

заставляя весь холл буквально сиять. Вдоль стен располагались изящные кушетки и пуфики, обтянутые светло-бежевым бархатом — настолько мягким и нежным на вид, что хотелось дотронуться до него просто от одного взгляда.

Дальняя стена была полностью зеркальной, и, проходя мимо неё, я впервые смогла рассмотреть себя в полный рост.

Если ещё в карете я сочла принцессу Лилабелль просто некрасивой дамой, то сейчас смогла оценить постигшее меня бедствие во всей мере. У принцессы оказалась грузная, тяжёлая фигура с заметным жирком в районе талии. Толстухой она не была, но и подтянутой женщиной назвать её было невозможно. К тому же у принцессы явно имелась привычка горбиться, из-за чего спина приобрела форму вопросительного знака. Где-то в глубине широкого лица, за тщательно причёсанными Хельгой волосами, тускло блестели *мои* собственные карие глаза.

Я с трудом сдержала вопль ужаса.

Ну да, я давно уже не была юной нимфеткой и никаких иллюзий насчёт своего возраста не имела, но и выглядеть откровенно неопрятно себе никогда не позволяла. В меру своих скромных возможностей я всегда ухаживала за собой, в результате чего редко кто мог дать мне мои сорок пять лет. А женщина, что отразилась в зеркале, была откровенно запущенной.

«*Но это же принцесса, невеста принца!* — хаотично заметались мысли в голове. — *Как такое вообще могло про-*

изойти?! »

Тем временем мы поднялись на третий этаж, где лакей распахнул перед нами двери из слоновой кости.

Мы с Хельгой вошли внутрь. Большая, уютная гостиная, отделанная в том же серебристо-белом цвете, что и весь замок. Спальня с гигантской кроватью под пышным балдахином. Вполне современная ванная комната — удивительно для этого средневековья! Гардеробная и небольшая комнатка для прислуги.

— Её Величество велела передать: если вам что-либо понадобится из одежды, личных вещей или будут ещё какие-нибудь приказы, то обращайтесь к Лайзе, вашей старшей горничной, — сказал лакей.

И тут, словно из ниоткуда, в гостиной материализовались три девушки в одинаковой строгой чёрной форме и белых передниках. Особенно довольными они при этом не выглядели. Похоже, никто в этом дворце особо не жаловал принцессу Кентерийскую.

— Хорошо, спасибо, — поблагодарила я. — Но сейчас я хотела бы отдохнуть с дороги. Ваша помощь до утра не потребуется, вы свободны, — обратилась я к дворцовым служанкам. — Хельга поможет мне привести себя в порядок перед сном.

Три девушки молча поклонились и вышли из комнаты. Расстроенными при этом не выглядели. Скорее, наоборот — даже обрадовались.

— Ой, Ваше Высочество, сейчас наберу вам ванну! — тут же защебетала Хельга, заметно оживившись. — Интересно, какие у них тут есть ароматические масла?

Я с сомнением посмотрела на девушку.

Хельга. У меня никогда не было ни подчинённых, ни домработниц. Баба Валя из двадцать второй квартиры, что мыла у нас в подъезде полы, не в счёт. Командовать кем-либо я не хотела и вообще привыкла заботиться о себе сама. Но, поразмыслив, я поняла, что мне необходимо как можно больше узнать об этом мире, о месте, где я оказалась. И если Хельга будет в благодушном настроении, то расспрашивать её будет гораздо проще.

— Конечно, спасибо, — с искренней благодарностью сказала я.

Хельга просияла и скрылась в ванной. Вскоре я уже наслаждалась горячей водой и густой пеной. Раздеваться при постороннем человеке было дико непривычно, но ради дела я решила потерпеть. И, позволив служанке намылить мне голову, осторожно перевела разговор в нужное русло. К счастью, Хельга оказалась настоящей болтушкой, и путём осторожных расспросов и наводящих вопросов я узнала *много* интересного.

Глава 3

Принцессе Лилабелль Кентерийской оказалось, как и мне, *сорок пять лет*. Замужем она никогда не была. И до недав-

него времени жила очень скромной и незаметной жизнью в родном замке.

Родилась принцесса немного недоразвитой — она отставала от ровесников в развитии на несколько лет. Возможно, это и беспокоило бы монарших родителей куда больше, если бы следом не появился младший брат, принц Антуан. Наследник престола оказался не в меру активным и крикливым ребёнком, и спокойный характер принцессы пришёлся родителям вполне по душе.

В сравнении с буйным братцем Лилабелль казалась едва ли не идеальным ребёнком.

Но по мере взросления девочка начала проявлять странности. В присутствии мужчин она замирала, как маленький испуганный зверёк. В подростковые годы это проявилось особенно ярко — стоило хотя бы одному представителю сильного пола войти в комнату, как принцесса немела. Она стояла, опустив глаза в пол, не смея открыть рот, пока её ровесницы заливисто смеялись над весьма плоскими шутками местных кавалеров.

Когда Лилабелль достигла брачного возраста, Император с Императрицей некоторое время размышляли о возможном замужестве дочери с наследником какого-нибудь знатного и древнего рода. Но принцесса так откровенно боялась любого, даже самого незначительного внимания со стороны мужчин, что родители в конце концов махнули на подобные планы рукой.

К тому же принц Антуан с самых юных лет проявил себя на редкость любвеобильным юношей, и правящую семью потрясло несколько громких и пикантных сексуальных скандалов. На фоне этого тихая, запуганная дочь казалась меньшим из зол.

Так и продолжалось долгое время, пока родители принцессы не преставились и к власти не пришёл её младший брат. К тому моменту Лилабелль вела совершенно затворнический образ жизни. Она практически не выходила из своей комнаты, абсолютно не интересовалась модой, нарядами и своим внешним видом. Могла часами разговаривать сама с собой, активно жестикулируя руками, и сама же смеялась над собственными шутками.

«Понятно, — подумала я в этот момент. — У настоящей принцессы Лилабелль явно было не совсем в порядке с головой».

Единственным увлечением, способным вытащить её на свежий воздух, стало садоводство. Принцесса могла часами возиться в земле, собственными руками полоть сорняки и лично обрабатывать цветущие кусты от паразитов. В общем, занималась делами, недостойными благородной дамы, и чаще напоминала своим видом служанку или обычную работницу дворца, чем единственную принцессу самой сильной в этом мире Империи.

А Кентерийская Империя носила звание Великой не зря. Это была самая большая и могущественная страна в этом

мире. Располагалась она далеко на севере и славилась своим гордым и воинственным народом. Империя регулярно пыталась расширить свою территорию и вела бесконечные войны. *Одна только война с Эльдораном длилась почти сто лет!*

Родители принцессы тоже были людьми весьма воинственными и продолжили затяжную и жестокую войну. Но если Империя с её мощью и размерами могла позволить себе подобное, то для Эльдорана эта война стала настоящим проклятием. Эльдоран был богатым государством — располагался на плодородных землях в относительно тёплом климате, славился золотыми рудниками и алмазными копями. Однако, в сравнении с Империей он оставался относительно маленькой страной и не обладал ни большой армией, ни большим населением.

Долгая война вытягивала из Эльдорана все ресурсы. Народ был недоволен правителями, что не могли остановить кровопролитие на протяжении долгих десятилетий. И неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы в Кентерийской Империи не пришёл к власти принц Антуан.

Молодого монарха мало интересовали победы на линии фронта — куда больше его волновали победы в собственной постели. Военный совет навевал на него скуку, а генералы раздражали. В первый же год правления, уже будучи Императором, он дал согласие на временное перемирие с Эльдораном.

«Хоть что-то разумное», — мелькнуло у меня в голове.

Принцесса Лилабелль никак не напрягала брата. Жила в своём маленьком мирке, никого не трогала, общалась только с парой верных служанок. Но Антуану мешало даже это. Он хотел полной свободы — и полоумная сестрица на собственной шее его никак не устраивала.

В результате он поставил Эльдорану ультиматум: либо война продолжается, либо мирный договор скрепляется брачным союзом между наследным принцем Эйдарианом и принцессой Лилабелль.

Для Эльдорана такой союз был откровенно унизительным.

Принц Эйдариан — единственный наследник престола. Умный, красивый, смелый. Молодой. А про сорокапятилетнюю принцессу ходили откровенно грязные слухи. Кто-то утверждал, что принцесса не умеет разговаривать и мычит сутками, как корова. Кто-то шептал, что она проклята от рождения и проклятие обязательно падёт и на её детей.

А самые злые языки и вовсе называли принцессу безбожной грешницей, которая спит с родным братом, а всё остальное — лишь спектакль, чтобы болезнью прикрыть безнравственность и распущенность Лилабелль.

Откуда пошли эти слухи и кто распустил их первым — так и осталось невыясненным.

«Люди жестоки», — подумала я почти непроизвольно. Сплетни о Лилабелль — о том, что бедная женщина будто бы делила постель с родным братом, — были настолько чудо-

вищны, что меня едва не стошнило. Я повторила услышанное про себя, цепляясь за надежду, что ослышалась, — и внутри разрастался липкий холодный ужас.

И угораздило же меня попасть именно в это тело!

Временное перемирие и без того висело на волоске. Любые отсрочки могли вывести из себя вспыльчивого молодого Императора, поэтому Королевский дом Эльдорана, скрепя сердце, согласился на подобный союз.

Надо ли говорить, что после объявления о подобном союзе принцессу невзлюбили во всём Эльдоране? Ни аристократы, ни горожане, ни крестьяне. Своего принца считали спасителем, а великовозрастную принцессу — слабоумной прелюбодейкой, от которой избавился родной брат, едва она ему надоела в постели.

Сама Лилабелль, которая давно жила спокойной и размеренной жизнью, услышав о предстоящем замужестве, упала брату в ноги. Захлёбываясь рыданиями, умоляла пощадить её. С возрастом страх перед мужчинами у неё лишь усилился.

Но всё было уже решено. Антуан был доволен тем, как сложились переговоры. Молодой принц дал согласие на свадьбу с женщиной гораздо старше себя, обременённой к тому же крайне сомнительной репутацией, — и послы незамедлительно подписали брачный договор с обеих сторон.

— Хельга, а насколько принц молод? — затаив дыхание, спросила я. — Ты знаешь, сколько ему лет?

— Так двадцать один год ему минул в прошлом месяце, Ваше Высочество.

Я почувствовала, как внутри всё похолодело.

Двадцать один. Ему двадцать один год, а мне — сорок пять. Разница в двадцать четыре года.

Я могла быть ему матерью.

***

Я лежала на кровати, уставившись в потолок, но сна не было ни в одном глазу. В голове роилось столько мыслей, что я не знала, за какую взяться первой.

Я помнила отчётливо: дома, на своей кухне, я поскользнулась и ударилась головой. Как я вообще здесь оказалась? Это действительно реально?

Или я сошла с ума?!

А может, лежу где-то в коме, и всё это просто мерещится мне в бреду?Или передо мной настоящий ад — ад изощрённый — со сверкающими дворцами, титулами и на редкость неухоженными принцессами?

Мои мысли то и дело невольно возвращались к Лилабелль. Если то, что рассказала Хельга, правда, то у принцессы точно были серьёзные ментальные проблемы. Перед сном служанка успела поведать, что в последние дни Лилабелль было совсем плохо — её знобило, тошнило и периодически лихорадило. Под конец поездки она практически всё время спала, свернувшись клубочком на сиденье кареты.

Бедную принцессу я искренне жалела. Очевидно, ей нуж-

на была помощь хорошего психотерапевта, а не поспешный брак с первым попавшимся принцем и грязные сплетни окружающих. Но как бы я ни сочувствовала принцессе, моих собственных проблем это не отменяло. Почему я оказалась в её теле? Что стало с настоящей принцессой?

Нет, не стоит себя обманывать. Я точно осознавала, что там, в родном мире, я *лишилась* жизни.

Так что же стало с настоящей Лилабелль Кентерийской? Я же не могла… не могла занять не только её тело, но и её *душу*?!

Меня охватил ужас. Самый настоящий, пробирающий до костей ужас. Я же не виновата в её смерти?!

Что теперь делать? Как вернуться назад?

И главное — можно ли вообще вернуться?!

Я раздражённо перевернулась на бок. Кровать была мягкой, действительно королевской, постельное бельё — чистым и слегка отдающим лавандой, но я прекрасно понимала, что сегодня точно не засну. Возбуждённое сознание гудело, как встревоженный улей: мысли метались из стороны в сторону, и мне отчаянно хотелось сорваться с места и бежать — бежать куда угодно, делать хоть что-то, лишь бы не теряться в собственных ощущениях беспомощности.

Больше не в силах терпеть, я откинула одеяло и подошла к окну. Оно выходило на гигантский фонтан, который я уже видела при въезде на дворцовую площадь. Тёплое свечение от подсветки проникало в комнату, заливая всё вокруг мяг-

ким золотистым светом. Прищурившись, я всмотрелась в открывшийся вид. Действительно красиво. Вдалеке виднелся королевский парк с высокими ухоженными деревьями и многочисленными цветочными клумбами, едва различимыми в ночной темноте.

До меня доносился нежный запах цветущих кустов.

Может быть, это место не настолько ужасно, как показалось сначала?

И — постепенно — у меня получится разобраться в произошедшем?!

***

Утро для меня началось с трёх крайне недовольных горничных, которые едва цедили слова сквозь сжатые губы и одаряли меня такими раздражёнными взглядами, словно я лично испортила им всю жизнь. Больше всех в этом преуспела старшая горничная Лайза — высокая угловатая женщина, которая закатывала глаза к потолку едва ли не ежеминутно, будто молила небо о терпении.

Мой багаж — точнее, багаж принцессы Лилабелль — доставили в покои ещё вчера вечером. Пока верная Хельга носилась по гардеробной в безумном темпе, пытаясь развесить все платья, три дворцовые девицы просто стояли столбом, сложив руки на кружевных передниках. Изображали из себя мебель, причём весьма убедительно.

— Скажи-ка, милочка, — не выдержала я, когда Лайза в очередной раз закатила глаза к потолку, сопроводив это ду-

шераздирающим вздохом, достойным трагической актрисы, — *зачем* ты здесь? Мебели в этой комнате и без тебя достаточно!

Ну вот. Я назвала кого-то «милочка». Не иначе как превращаюсь в свою тётушку Ирину.

Лайза вздрогнула, словно её ударило током.

— Чем я могу помочь вам, Ваше Высочество? — отмерла наконец старшая горничная, и в её голосе прозвучали нотки плохо скрываемого изумления.

— Хельге помоги с платьями, — отрезала я. — И вы двое тоже, — кивнула я оставшимся горничным.

Те сорвались с места и ринулись к гардеробной, будто я пригрозила им кнутом. Я же осталась сидеть на мягком пуфике перед туалетным столом, наслаждаясь моментом относительного покоя. Напротив меня висело большое зеркало в позолоченной раме, и я имела сомнительное удовольствие созерцать внешность принцессы Лилабелль во всех мельчайших подробностях.

Это действительно было *моё* лицо. Вернее, было бы моим, если бы я никогда в жизни не пользовалась кремами, услугами косметологов и вообще в принципе забила на свой внешний вид. Бессонная ночь не добавила мне красоты — под глазами залегли тёмные мешки, придавая и без того землистого цвета лицу особенно болезненный вид.

«Да, буду писаной красавицей на первой встрече с королевской семьёй, — мысленно протянула я, разглядывая своё

отражение. — Молодой принц будет в полном восторге».

При мысли о принце что-то неприятно сжалось внутри — и я не была уверена, что это просто тревога.

Если раньше наследный принц воспринимался мной больше как фигура мифическая, абстрактная, то сейчас встреча с ним встала в полный рост со всей своей неизбежностью и неотвратимостью. Каков он, этот принц? Во время заключения помолвки, год назад, ему было всего двадцать лет.

Почему он согласился? На него надавили родители? Или он сам хотел во что бы то ни стало защитить свою страну?!

Было и ещё кое-что, подсознательно тревожившее меня с прошлого вечера. Разве не должен был принц встречать свою невесту? Я мало разбиралась в королевских этикетах и церемониалах, но даже банальные правила приличия просто кричали о том, что жених обязан был лично приехать к воротам. Да и король с королевой, помнится, не торопились знакомиться со своей невесткой.

Я поморщилась. Ну и в семейку я попала.

— Ваше Высочество! — в спальню ворвалась запыхавшаяся Хельга, круглые щёки раскраснелись от волнения. — До завтрака осталось меньше часа! Идёмте, надо выбрать подходящее платье!

Я встала с пуфика и проследовала за служанкой в гардеробную. Сейчас на мне была только сатиновая ночная сорочка, что вполне успешно скрывала неидеальные парамет-

ры принцессы. В гардеробной меня поджидали три дворцовые горничные. Если раньше они просто одаряли меня не самыми приятными взглядами, то теперь смотрели с откровенной насмешкой. Лайза едва сдерживала смех — и, кажется, не особо старалась.

Оглядевшись по сторонам, я мгновенно поняла *почему*.

Гардероб принцессы был по-настоящему ужасен. Без шуток и преувеличений. Вчерашнее уродство, в которое я была одета, я списала на дорожное платье — мало ли, в пути не до моды. Но нет. У принцессы Лилабелль абсолютно все платья были такими. И многие — гораздо хуже.

Платья, развешенные на вешалках, были широкими, мешковатыми, грязных, преимущественно коричневых оттенков, из некрасивой, дёшево блестящей ткани. Многие украшали совершенно дико смотрящиеся кружева — будто их вырезали из старых занавесок и пришили наугад. На некоторых платьях красовались банты размером с небольшую подушку. Другие — с рюшами, которые свисали, словно увядшие капустные листья.

Я вспомнила слова Хельги о том, что принцесса совершенно не интересовалась модой. Нет, она не просто *«модой не интересовалась»*. Она в ней абсолютно не разбиралась! Даже я, незнакомая с модными тенденциями этого мира, прекрасно понимала, что ни то что принцесса, ни одна благородная дама не согласилась бы ходить в этом… тряпье.

Неужели рядом с Лилабелль не было ни одной доброй ду-

ши, кто позаботился бы о принцессе, раз уж она сама не в состоянии была этого сделать?!

***

— Её Высочество, принцесса Лилабелль Кентерийская! — объявил церемониймейстер.

Я вошла в помещение, которое сопровождавший меня незнакомый лакей почтительно именовал «Малой столовой». Малой! Посреди неё красовался огромный овальный стол минимум на тридцать персон. Стены были выкрашены в приятный персиковый цвет, но это я заметила лишь краем глаза. Потому что едва переступив порог, ощутила на себе несколько пристальных, изучающих взглядов.

Во главе стола восседал черноволосый мужчина средних лет. Одет он был просто, но каким-то шестым чувством я определила — Король. По правую руку от него сидела изящная миниатюрная блондинка в белоснежном платье. На её шее переливалось невероятной красоты бриллиантовое колье, играющее под утренними лучами всеми цветами радуги. Королева София, безусловно.

По левую руку от короля расположился уже знакомый мне герцог Локсли в строгом чёрном камзоле откровенно траурного покроя. Не иначе как герцог заранее собрался на похороны моей репутации и остатков здравого смысла. Видимо, он ждал, что слабоумная принцесса на корню зарубит всё знакомство с монаршей четой.

Справа от герцога сидела стройная брюнетка с волосами,

убранными в строгий низкий пучок. Её можно было бы назвать красивой, если бы не постоянно поджатые губы и острый, словно режущий взгляд. А по правую руку от королевы располагалась пожилая дама, вся сплошь в жемчугах. Жемчужное колье, браслеты, кольца, серьги, шпильки в высокой причёске из седых волос… даже пуговицы на платье были из перламутрового жемчуга!

Благодаря словоохотливой Хельге, оказавшейся настоящей кладезью информации, я знала имена короля и королевы. А вот присутствие старой леди в жемчугах и недовольной брюнетки стало для меня сюрпризом. Впрочем, без герцога Локсли я тоже вполне обошлась бы.

— Дорогая Лилабелль! Рад наконец-то познакомиться лично! — Король поднялся со своего места, радушно раскинув руки. — Как доехали? Дорога не слишком утомила?

Я видела, что король искренне пытается быть радушным хозяином, изо всех сил стараясь развеять гнетущую атмосферу, повисшую в столовой с первых же секунд. Но получалось плохо. Лицо прекрасной королевы окаменело ещё больше. Брюнетка сжала губы в тонкую полоску. Бабка в жемчугах изумлённо приподняла брови. Один лишь герцог Локсли остался невозмутим — видимо, это его обычное состояние.

— Спасибо, Ваше Величество, всё хорошо, — почти слово в слово повторила я вчерашнюю фразу, адресованную герцогу. — Рада познакомиться с вами и Её Величеством.

— А мы как рады! — Под недоумёнными взглядами окру-

жающих король схватил меня за руки и принялся энергично трясти.

Только сейчас я поняла, как сильно он нервничал. Видимо, перемирие с Великой Кентерийской Империей действительно висело на волоске, и король боялся, что всё сорвётся.

— Позвольте представить вам остальных.

Брюнеткой с ледяным взглядом оказалась леди Ланель Тейнс, главная статс-дама королевского двора, лучшая подруга и наперсница Её Величества Софии. Герцог Локсли занимал должность Первого Советника короля. А бабка в жемчугах была… действительно бабкой! Вдовствующая королева Надин, мать нынешнего короля и бабушка принца Эйдариана. Самого принца поблизости не наблюдалось.

Все трое внимательно разглядывали меня, и под их пристальными взглядами я постаралась держать голову высоко поднятой. Из всего обилия нелепых кошмарных платьев я выбрала чудом затесавшееся в это блёклое великолепие строгое бледно-золотистое платье без кружев. Оно немного стройнило фигуру Лилабелль и визуально вытягивало силуэт. Волосы я оставила распущенными, попросив Хельгу лишь подколоть у лица пару прядей. Синяки под глазами замазала аналогом местного тонального крема и добавила румян для свежести.

Но унаследованная от настоящей принцессы внешность всё равно была далека от идеала. Седые пряди на висках раздражали сильнее всего — словно маленькое напоминание о

том, в каком состоянии мне досталось это наследство. Однако сейчас я была бессильна что-либо с ними сделать.

В столовой повисло неловкое молчание.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, — засуетился король. Из всех присутствующих он казался самым адекватным. — Разделите с нами завтрак? Надеюсь, вы не против, если я буду называть вас по имени? Ведь вскоре мы всё равно станем одной семьёй.

— Помню, когда я приехала невестой в этот дворец… — тут же вклинилась в разговор вдовствующая королева Надин. — *В восемнадцать лет*, — многозначительно добавила она, окинув меня взглядом с ног до головы. — С каким нетерпением ждал меня молодой король Эдуард, мой будущий супруг! Вся лестница была усыпана белыми розами — сто одна ступень, на минуточку! Не успела я выйти из кареты, как он подхватил меня на руки и понёс во дворец, не переставая осыпать поцелуями ни на секунду!

«Это было очень давно», — чуть не вырвалось у меня автоматически. Уж больно бабушка принца напоминала мне собственную тётку. Я даже забеспокоилась — всё ли у тётушки в порядке? Не могла ли и она оказаться здесь?

Королева молчала. Её верная наперсница — тоже. Вообще, у меня сложилось впечатление, что у этих двух дам имелся какой-то лимит на слова, который они панически боялись превысить.

— Какая романтическая история, — улыбнулась я ста-

рушке. — Надеюсь, у меня с принцем Эйдарианом будет не хуже.

Королева Надин едва не поперхнулась чаем и гневно воззрилась на меня.

— Как вам дворец? — Деликатно кашлянув, спросил герцог Локсли. — Всё ли понравилось?

Видимо, мужчины в этой стране гораздо лучше понимали важность брачного союза, чем дамы.

— Дворец великолепен, Ваша Светлость, — в знак признательности я слегка наклонила голову. — И покои прекрасные, спасибо.

— Я слышал, что Малахитовый дворец в вашей столице ничуть не хуже, — лукаво улыбнулся герцог.

Я растерялась. *Какой ещё Малахитовый дворец?!* Настоящая Лилабелль наверняка знала бы, о чём речь. Мои же познания о малахите сводились к паре зелёных камушков, которые учитель географии показывал нам, бестолковым семиклассникам, в далёкие школьные годы.

— Эдвард, ты смущаешь нашу гостью, — на моё счастье, король принял растерянность на моём лице за стеснительность. — Лилабелль известна своей скромностью. Думаю, она сама расскажет нам о чудесах Великой Кентерийской Империи, когда сочтёт нужным. Верно, Лилабелль?

Я даже не успела ответить. Потому что хрупкая королева София поставила фарфоровую чашку на блюдце с такой силой, что оно едва не треснуло. Все замолчали.

— Ваше бракосочетание с Эйдарианом состоится через два месяца в главном храме Великой Богини Лиры, — произнесла она ровным тоном, но в голосе чувствовалось такое напряжение, будто королева изо всех сил сдерживалась, чтобы не сорваться. — Обряд проведёт *лично* Верховный жрец. В ближайшие дни к вам зайдёт моя модистка — выберете наряд на свадьбу. А леди Тейнс станет вашей подругой и помощницей на ближайшие недели.

Я взглянула на леди Тейнс. *Выражению её лица позавидовал бы камень.*

— Б-благодарю, Ваше Величество, — слегка запнувшись, ответила я.

Королева кивнула и, отвернувшись к леди Тейнс, завела с ней негромкую беседу. Больше за весь завтрак она не сказала мне ни слова.

Герцог Локсли взял слово и пустился в обстоятельный рассказ об архитектурных особенностях главного столичного храма. Как я поняла, это был целый комплекс, где у каждого из восьми Великих Богов имелся свой храм. Особенно много внимания он уделил храму Богини Любви Лиры — именно там должно было состояться моё бракосочетание с принцем. Рассказчик из герцога получился замечательный, и я слушала его с неподдельным интересом. Хотя на заднем фоне сознания всё время крутилась мысль: от общества леди Тейнс нужно как-то избавиться. Я явно чувствовала — эта каменная статуя создаст мне немало проблем.

Едва герцог закончил познавательное повествование, в беседу снова вступила вдовствующая королева. Громким, хорошо поставленным голосом она поведала всем присутствующим о своей «*неземной любви*» с покойным королём: как он её любил, ценил, и что она «*всегда чувствовала себя маленькой девочкой в его присутствии*», ведь король Эдуард был старше её на добрых шестнадцать лет.

— Вы уже виделись с моим внуком, дорогуша? — ехидно спросила она.

Надин прекрасно знала, что Эйдариан меня даже не встретил, и не собиралась упускать шикарную возможность меня уколоть. Нет, надо точно узнать, как там моя тётушка!

— Думаю, у нас с Его Высочеством всё ещё впереди, — сквозь зубы процедила я.

Слуги сменяли блюда одно за другим, но вкуса я совершенно не чувствовала. Королева София не отрываясь беседовала с леди Тейнс, а король сидел, нахмурив брови и глубоко погрузившись в свои мысли.

Просто завтрак мечты.

Посреди очередного рассказа королевы Надин о первом свидании с королём Эдуардом дверь в столовую тихо приоткрылась. В зал проскользнул высокий мужчина лет сорока с тёмно-русыми волосами, собранными в низкий хвост.

— Лилабелль, познакомьтесь — Эдгар Земейкис, личный маг королевской семьи, — наконец встрепенулся король.

"Маг? Тут и маги имеются?" — мысленно встрепенулась

я. Хотя... Я ведь уже слышала про порталы, вполне логично, что и маги здесь должны быть. Новоприбывший опустился на стул рядом с леди Тейнс, к вящему неудовольствию последней. И вскоре я поняла, почему.

У Эдгара Земейкиса были мутные бледно-голубые глаза, которые пронизывали насквозь. Его взгляд оставлял где-то глубоко внутри гнетущую пустоту и необъяснимую тяжесть — будто душу вынули из тела и окатили грязью. При всех внешних данных — высокий рост, гладко выбритое лицо, безупречно уложенные волосы — он мог бы казаться привлекательным. Но что-то в нём отталкивало, что-то необъяснимое и тревожное.

Он почти не моргал, подолгу впиваясь взглядом в собеседника. Под этим немигающим взором я чувствовала, как неловкость, и без того давившая в сложившихся обстоятельствах, становилась совершенно невыносимой.

Я мечтала лишь о том, чтобы завтрак поскорее закончился. Чем дольше я находилась в одной комнате с этими людьми, тем хуже мне становилось. Виски ломило, дышать было трудно, лоб покрылся испариной, тяжёлое платье пропиталось потом. Про себя я уже молилась, чтобы здешние Боги оказались милостивы и позволили мне вырваться из этого кошмарного общества.

— Как твой сын, Ланель? — спросила королева София у своей подруги.

Ну да, в другое время спросить же нельзя. Только во вре-

мя знакомства с будущей невесткой.

— О, он очень любит читать, — я не поверила своим глазам: на лице каменной леди впервые расцвела улыбка — живая, настоящая, полная материнской гордости. — Увлечён приключенческими романами, фантастикой. А особенно — историями про попаданок. Изучает всё, что о них известно: откуда к нам попали, из каких миров, при каких условиях. Более того — уже взялся составить хронологию их переходов в наш мир. По датам! Мальчишке всего двенадцать лет, а мыслит как настоящий учёный! Неудивительно, что один из профессоров Королевской Академии Магии лично взял его себе в ученики.

Тут я насторожилась. Надо бы познакомиться с этим талантливым ребёнком. И на таблицу его взглянуть не помешало бы — если, конечно, леди Тейнс не преувеличивает способности своего чада.

— Наследный принц Эльдорана, Эйдариан Винтерхейл! — звучный голос церемониймейстера набатом ворвался в мои мысли.

И на пороге появился *он*.

Глава 4

Он не притягивал взгляды. *Он их удерживал.*

Мужчина, застывший на пороге Малой столовой, выглядел так, будто его специально создали, чтобы заставлять женщин забывать, как дышать. Высокий — под сто девяносто

сантиметров, не меньше. Длинные чёрные волосы падали до середины спины, отливая вороньим крылом в утреннем свете из окон. Под тонким синим камзолом угадывалась сухая, жилистая мускулатура — не перекачанная, а скорее фехтовальщика или наездника.

Худощавое лицо с чёткими скулами и упрямым подбородком. Тонкие губы, сейчас искривлённые в полуулыбке. Но главное — глаза. Тёмно-серые, цвета штормового неба перед грозой, они смотрели с такой холодной оценкой, что становилось не по себе.

Когда он шагнул в столовую, пространство вокруг него словно стянулось — едва заметно, почти физически. Я крепче вцепилась в чашку с чаем.

— *Риан!* — воскликнула королева София так громко, что я едва не выронила чашку себе на колени.

Принц стремительно пересёк зал — двигался легко, без лишних движений. Поклонился матери, поцеловал её руку. София сияла, не сводя с сына глаз. Затем он развернулся к вдовствующей королеве. Та церемонно протянула костлявую кисть, и Эйдариан, на секунду замешкавшись, наклонился, чтобы коснуться её губами.

Остальные за столом словно застыли.

Король, погружённый в собственные тяжёлые мысли, практически не обратил на сына никакого внимания. Герцог Локсли, напротив, напрягся — челюсти сжались, глаза прищурились.

— Ваше Высочество. — Эйдариан повернулся ко мне.

Его взгляд был как удар. Тёмно-серые глаза скользнули по моему лицу, фигуре — холодно, оценивающе, без малейшего интереса.

«*Да, Лерка, принц определённо не в восторге от своей суженой*», — пронеслось в голове.

Я чувствовала себя экспонатом в музее. Причём не самым удачным.

— Тоже рада знакомству, Ваше Высочество, — выдавила из себя я.

Брови Эйдариана удивлённо поползли вверх. Я мысленно обозвала себя идиоткой — он же не сказал, что рад. Вообще ничего подобного не сказал.

— Риан, присоединяйся к завтраку, — проворковала королева.

— Да, а то мы уже целый час одни развлекаем твою… *невесту*, — мстительно протянула Надин.

Я опустила чашку на блюдце, стараясь не стучать фарфором. Руки предательски дрожали. Чем они меня развлекали? Ядовитыми взглядами? Колкими фразами?

— Благодарю, матушка, но я хотел бы пригласить Её Величество Лилабелль на прогулку, — неожиданно низким для столь молодого мужчины голосом ответил принц.

Голос и правда был хорош — глубокий, бархатный.

Все уставились на меня. Вдовствующая королева выглядела так, будто внук только что пообещал отдать половину

Эльдорана Великой Кентерийской Империи.

— Конечно, Ваше Высочество, — произнесла я, поднимаясь из-за стола.

В неудачной попытке встать я не рассчитала объёмы тела принцессы и слишком близко придвинулась к столу, задев бедром злополучную чашку с блюдцем. Чашка, к счастью, осталась на месте, но пронзительный звон раздался как гром среди ясного неба, заставив всех обернуться. Леди Тейнс метнула в меня взгляд, способный убить. Щёки вспыхнули.

Эйдариан подал руку. Я схватилась за неё, как за спасательный круг, и мы направились к выходу.

Проходя мимо герцога Локсли, я уловила его задумчивое выражение — он смотрел куда-то сквозь стены, словно видел что-то, недоступное остальным.

— Рад был знакомству, Лилабелль. — Король наконец вынырнул из своих мыслей.

— Я тоже, Ваше Величество, — искренне ответила я и поклонилась, прежде чем Эйдариан вывел меня за дверь.

***

Принц вывел меня на крытую террасу, протянувшуюся вдоль всего второго этажа замка. По обеим сторонам стояли небольшие диванчики, обитые мягким бежевым бархатом, перед ними — стеклянные столики, отражающие солнечные лучи. Яркие кусты роз в кадках дополняли эту идиллическую картину.

Эйдариан облокотился на кованую балюстраду, и его при-

стальный взгляд словно пронзил меня насквозь. Я снова почувствовала, как замирает сердце. Красота этого молодого мужчины завораживала. Чёрные волосы длиной до лопаток переливались под утренним солнцем, до меня даже долетал лёгкий мятный аромат, исходивший от них. Лицо было идеально выбрито, в уголках губ притаилась насмешливая улыбка, а глаза… Эти глаза цвета бурного шторма изучали моё лицо, с каждой секундой проникая всё глубже.

— Давайте сразу расставим всё по местам, — сказал он, своими словами, словно выстрелом, разрезав тишину. — *Я не люблю вас.* Но я люблю свою страну. Свой народ.

Я опешила. Такого начала разговора я точно не ожидала.

— Я дал согласие на этот брак не потому, что хотел его, — продолжил Эйдариан. — А потому что должен был. Моя страна истекала кровью в войне с вашей Империей. Мой народ хоронил своих детей. Мои города лежали в руинах. Для меня нет ничего важнее жизни моих подданных и процветания моего королевства, — его слова звучали твёрдо, почти жёстко. — Я согласился на этот союз ради *мира*. *Только ради мира.*

Эйдариан замолчал, невидящим взглядом уставившись вдаль. Его руки с силой сжимали парапет балюстрады.

— Я обещаю относиться к вам с уважением, как требует ваше происхождение, и с почитанием, как того будет требовать ваш статус, — произнёс принц, и его голос звучал ровно и уверенно. — Однако не рассчитывайте на большее. Я вы-

полню свой долг. Я стану вашим мужем. Но любви от меня не ждите. По понятным причинам вы не можете требовать от меня большего, — завершил он.

Я стояла молча. *По понятным причинам?* Это принц так завуалированно прошёлся по внешности и возрасту принцессы Лилабелль?? То есть по мне?!

Эйдариан не отводил от меня внимательного взгляда. Серые глаза обследовали каждый сантиметр моего тела. Возможно, при других обстоятельствах это вызвало бы во мне трепет и даже желание, но после столь холодных слов во мне не возникло ничего, кроме ледяной ярости.

Молчание затягивалось. Изображать оскорблённую гордость я не собиралась. Я видела Эйдариана впервые в жизни. Обижаться мне было, в сущности, не на что, а предъявлять претензии — тем более. У принца была своя жизнь до появления в ней Лилабелль, и вряд ли молодой красавец мечтал жениться на запущенной женщине, которая была старше его на четверть века.

Но, с другой стороны, теперь я являлась принцессой Лилабелль и понимала: если я сейчас не возмущусь, как подобает приличной аристократке, на репутации принцессы можно будет ставить окончательный крест.

— Не понимаю, с чего вы говорите мне столь неприятные слова, Ваше Высочество, и чем я их заслужила, — я сделала паузу, давая ему время переварить мои слова. — Наверное, вы забыли, что это меня выдернули из родной страны, доста-

вили, как товар, по самым разбитым дорогам королевства, а теперь ещё и выговаривают, что я не соответствую чьим-то ожиданиям. Поверьте, *моим* ожиданиям тоже многое не соответствует!

Черноволосый принц нахмурился. В его глазах разразилась истинная буря. Не знаю, что оскорбило этого мужчину больше — то, что я посмела дать ему отпор, или то, что прямо высказалась о состоянии дорог в его королевстве.

— А вы, оказывается, смелее, чем о вас говорят, — насмешливо сказал он.

— А вы всегда слушаете, кто и что о ком говорит? — не менее насмешливо ответила я.

— Нет, обычно я предпочитаю жить своим умом, — ответил Эйдариан неожиданно серьёзно. — Завтра состоится бал в вашу честь. Я зайду за вами в семь.

Он резко поклонился, развернулся и вышел с террасы.

А я осталась одна — в тёплых лучах солнца, тепла которого не ощущала вовсе.

***

— Бал! — искренне обрадовалась Хельга. — Это так прекрасно!

Ничего прекрасного я в этом не видела. Вряд ли получу удовольствие от бала в облике великовозрастной принцессы, у которой даже нормальных платьев нет. И я прекрасно понимала, что этот праздник жизни устроен не столько в мою честь, сколько ради венценосного братца Лилабелль. Чтобы

гордому императору Великой Кентерийской Империи доложили, как радушно здесь приняли его сестру. Но что ожидало *меня*? Вечеринка среди людей, заочно меня ненавидящих.

Да и люди ли они вообще? Эта мысль внезапно укоренилась в моём сознании. Я ведь действительно ничего не знаю об этом мире. Как и о том, каким образом здесь оказалась. Здесь есть магия, есть порталы. Может, его населяют не совсем уж и люди?

Я остро ощутила дефицит информации. Выход виделся самый банальный — посетить местную библиотеку, причём как можно быстрее. Это было единственное место, где я могла надеяться найти ответы на свои вопросы и попытаться узнать, что на самом деле со мной произошло.

Но не успела я и сдвинуться с места, как дверь без стука распахнулась, и в гостиную влетел рыжеволосый мужчина лет тридцати пяти с довольно приличным брюшком.

— Белль! — воскликнул он. — Куда ты запропастилась?! Мы с бароном Фише ждали тебя с самого утра!

— Вы вообще кто? — мрачно спросила я.

— Не смешно, Белль! — так же эмоционально воскликнул медноголовый наглец и преспокойно уселся прямо задницей на мой комод. — Антуан чётко тебе сказал: докладывать обо всём, что здесь происходит. *Без промедлений!!* Ну, что сказал король? Когда состоится следующий Великий Совет? Упырь Локсли присутствовал на завтраке? И не смотри на меня так! — он воздел руки к потолку. — Уже весь дворец гудит о том,

что Винтерхейлы пригласили тебя на завтрак!

Так. Понятно. Видимо, брат Лилабелль решил использовать свою слабоумную сестру ещё и в качестве шпионки. О том, что это может стоить ей головы, он явно не подумал. Или подумал — но ему было плевать.

— А ты знаешь, — тем временем продолжал незнакомец, размахивая руками, — быть послом оказалось неожиданно приятно! Покои выдали шикарные, не то что в прошлый раз! — он скривился. — Тот свинарник я надолго запомню! Ты подумай, мне, маркизу Тобальту, подсунули две крохотные комнатушки, даже без умывальни! И куда, спрашивается, я должен был приводить леди Олсен?!

Ого. Какие откровения. Интересно, насколько близки были принцесса Лилабелль и этот маркиз? Надо быть осторожнее — вдруг они друзья?! Хотя Хельга и говорила, что Кентерийская принцесса жила очень замкнуто, но с кем-то общаться она всё-таки должна была?

— Так что там король? — не унимался нежданный гость. От нетерпения он начал подпрыгивать на комоде, и стоящие на нём вазы с цветами тревожно затряслись. — Он что-нибудь говорил о дальнейших планах?!

— Говорила в основном вдовствующая королева Надин, — отрезала я. Не желаю участвовать в этой дешёвой шпионской постановке. Никогда в жизни ни на кого не доносила и точно не планирую начинать сейчас.

— А герцог? Уж он-то точно себе на уме — такой и мать

родную обведёт вокруг пальца!

— А герцог, — передразнила я кентерийского засланца, — обладает большими познаниями в области истории и архитектуры. Большего сказать не могу. Хотя, нет, могу. Если хочешь, могу пересказать тебе молодость королевы Надин и как покойный король Эдуард любил целовать ей пальчики перед сном!

Маркиз Тобальт выглядел разочарованным, даже стал меньше размахивать руками в воздухе. Кстати, почему мы с ним на «ты»? Неужели они с Лилабелль действительно близкие друзья? Надо бы расспросить об этом Хельгу.

— И всё? Неужели никто ничего не говорил? Про нашу Империю, к примеру?

— И *всё*, — твёрдо ответила я.

Маркиз с разочарованным вздохом слез с комода, обернулся к висевшему над ним зеркалу и принялся разглядывать себя с нескрываемым самодовольством.

— Вот всё думаю, — произнёс он, приглаживая свои буйные рыжие волосы, — есть ли мужчина на этом свете, что мог бы потягаться со мной красотой? Это вообще законно — быть таким красивым? — и он подмигнул своему отражению в зеркале.

Я оторопело на это всё взирала. Да, рост у маркиза весьма внушительный и глаза яркие, но довольно крупный изогнутый нос и слишком толстые губы в моих глазах не придавали ему излишней привлекательности. Про пузо, что грустно

перевешивалось через пряжку ремня, я вообще молчу.

— А ты, — маркиз развернулся и наставил на меня указательный палец, — чтобы вечером зашла к барону Фише и отчиталась, что где видела и что слышала! Даже от такой безмозглой дуры, как ты, должна быть какая-то польза! Или ты настолько тупа, что не можешь запомнить элементарные вещи?! — он снова взглянул на своё отражение, смахнул невидимую соринку с рукава дорогого, расшитого золотом камзола и вышел из моей комнаты.

«*Нет, с Лилабелль они явно не друзья*», — сделала вывод я. Скорее всего, маркиз Тобальт считал принцессу безвольной идиоткой, которая стерпит любое отношение. Впрочем, видимо, так считали абсолютно все в окружении принцессы. За исключением Хельги.

Я решила, что не намерена становиться очередной жертвой в игре маркиза и его приятелей. Нельзя позволять людям использовать тебя как марионетку в своих амбициях и интригах.

Библиотека. Мне нужна была библиотека — потому что чем больше я узнавала об этом мире, тем отчётливее понимала: *незнание здесь убивает.*

***

"*У каждого из Восьми Великих Богов есть свой храм, где верующие могут просить милости или отмщения, приносить дары или вымаливать прощение грехов. Боги слышат голос каждого, но не каждому являют свою волю.*

Лишь в редких случаях, когда смертный достоин награды или заслуживает кары, Великие Боги нисходят в мир людей, облекаясь в человеческую плоть, чтобы говорить с ним лицом к лицу.

Всего Великих Богов восемь:

Лира, Богиня любви и красоты, обладающая способностью соединять сердца. Её храм полон света и окружён садами, где цветут самые редкие и прекрасные цветы.

Торнус, Бог войны, который символизирует мужество и честь. Его последователи верят, что он даёт силу победить врагов и защищает родную землю.

Элиона, Богиня знаний и мудрости, покровительница учителей и учеников.

Аерон, Бог ветра и погоды, который управляет стихиями. Его последователи обращаются к нему с просьбами о хорошей погоде для урожая и безопасных путешествий.

Калитра — Богиня здоровья и исцеления, символизирующая заботу о физическом и духовном благополучии. Она олицетворяет материнскую любовь и нежность.

Зарос — Бог леса и дикой природы, защитник животных и растений.

Серебриан — Бог ремёсел и торговли, покровитель кузнецов, художников и купцов. Его изображения часто украшают драгоценными камнями, которые символизируют изобилие и процветание.

Филина — Богиня ночи, чьи пути остаются для смерт-

ных неведомыми, чья сила раскрывается лишь под покровом темноты. Двуликая сущность, она — самая загадочная из Великих Богов; порой добрая и благосклонная, порой жестокая — в зависимости от обстоятельств и от личности тех, кто ей поклоняется. Богиня тьмы и мрака, Богиня тайн в ночи, которые ведомы лишь ей одной».

Я с шумом захлопнула «Слово о Великих Богах» и отодвинула от себя книгу. Вокруг меня возвышалась целая гора томов — толстые фолианты громоздились на читальном столе, изредка разбавленные тоненькими книжицами в ярких обложках.

Я не хотела привлекать к себе излишнее внимание, поэтому специально собрала разнородную стопку — от серьёзных научных трудов до лёгких дамских романчиков, от объёмных справочников до хрупких брошюрок. Среди них, как бы случайно, затесалось несколько книг на интересующие меня темы.

К тому же я не забыла заглянуть в пухлый том «Этикет на каждый день: простые правила большой вежливости». Надо же было наконец разобраться, к кому и как из благородных господ следует обращаться!

Но начала я своё путешествие с тяжёлой пыльной книги под кожаным переплётом — «Разделение миров». Листы её пожелтели и шуршали, когда я переворачивала страницу за страницей, и слова давались с трудом. Но главное я уловила: миров столько, что счесть их невозможно.

Некоторые миры называли *зеркальными*. Они существовали как отражение друг друга: столь похожие, что события разворачивались в них почти синхронно, словно невидимая нить связывала судьбы обоих. Подобно двум сторонам зеркала, эти миры могли соприкасаться в особых точках, но оставались навечно разделены невидимой гранью — неспособные изменить друг друга.

Но были и новые миры — *без отражений.* Они стояли отдельно, как звёзды в ночном небе, где законы физики могли работать иначе. Здесь могло происходить всё: гравитацию можно было бы чувствовать по-другому, время могло течь с иной скоростью, а жизнь — принимать неожиданные формы. И здесь могло появиться нечто новое, неизведанное — магия, например.

Я пробежалась глазами по следующим страницам. Причины перехода между мирами…

Первая причина — серьёзная аномалия в одном из миров. Когда что-то неустойчивое нарушало равновесие во времени и пространстве, возникала крошечная точка, способная разорвать реальность на части. В этот момент рядом мог оказаться человек и попасть в бесконечные дали, а иногда — в бездонный вакуум между мирами. Шансы на выживание тогда были ничтожно малы.

Вторая причина была ещё более таинственной: божественное вмешательство. Это случалось крайне редко и чаще всего без видимых причин. Лишь единицы получали ми-

лость перехода из одного мира в другой, словно пересекая невидимую черту, обозначающую границы различных реальностей. Кому и по какому принципу была дарована милость Богов — никто не ведал.

И третий путь — невероятное стечение обстоятельств. Если бы один человек умер в одном мире, а его отражение — одновременно в другом, то выжившим телом могла бы овладеть более сильная душа. Но этот мир не был зеркальным. *Значит, я не могла быть отражением Лилабелль*. И всё же… я выглядела практически как она. Даже возраст у нас совпадал.

Ещё одна загадка.

Я потёрла виски. Боги, миры, законы, которым нет имени в моём прежнем языке — голова шла кругом от всего этого.

Покачав головой, я всё же потянулась за следующей книгой.

Магия. Эта загадочная сила пронизывала каждый аспект жизни здесь. Я лишь мельком пролистала увесистый том по истории, но даже этого хватило, чтобы понять: маги правили не только заклинаниями, но и судьбами людей.

Отношение к магам разнилось от страны к стране: где-то их встречали с восторгом и благоговением, где-то — с настороженностью. Однако повсюду одарённые магией неизменно возвышались над обычными людьми, утверждая превосходство силой своего дара. Эльдоран являлся магической державой в полном смысле — им правил древний род потом-

ственных магов Винтерхейлов. Сейчас корону носил король Филипп, но она должна была перейти к его единственному наследнику. К *Эйдариану*. К тому, кого мне навязали в женихи.

Я вздохнула и открыла следующую книгу.

Короли, аристократы, советники, министры — магия текла в жилах всей элиты этого мира. Рождение детей с магическим даром праздновалось как величайшая удача семьи. Женщины, обладающие хотя бы искрой магии, считались самыми желанными невестами — их рассматривали как потенциальных матерей сильных наследников.

Потенциальных матерей. Не жён. *Не людей*. Матерей сильных наследников.

Но в этом сияющем царстве, где магия служила символом статуса и величия, существовала и тёмная сторона. Ребёнок, рождённый без дара, становился позором для родителей. В высших кругах такое событие считалось трагедией. Таких детей часто ссылали в отдалённые поместья, а то и вовсе скрывали их рождение от общества.

Я закрыла книгу. Медленно. Почти осторожно — будто боялась, что слова выпадут обратно.

У Лилабелль, как я вскоре выяснила, не было никакого дара. *Ни капли.* Она была абсолютно бездарна по меркам этого мира. Каждый новый штрих её портрета, каждый факт её прошлого только подчёркивал, насколько она была одинока. Я не знала, какие чувства испытывали к ней родители, но

было очевидно — они отдавали предпочтение брату, словно он был единственной надеждой королевской семьи.

Личная жизнь принцессы складывалась ещё мучительнее. Её унижали, ею пренебрегали, над ней бесстыдно насмехались — и ни капли сострадания. Когда брат взошёл на престол, он без колебаний отправил её в чужую страну — в жертву тёмным интригам и политическим играм, где любая оплошность могла стоить жизни.

А будущий супруг? Молодой принц, младше её на двадцать четыре года, лишь довершал ту бесконечную череду оскорблений, что выпала на её долю на родине.

Увядающая принцесса для юного принца — отличная сделка, что сказать.

Глава 5

— Ваше Высочество, получилось не так уж плохо, — неуверенно протянула Хельга.

Нет. Получилось не то что плохо. *Получилось отвратительно.*

То, что гардероб у Лилабелль был, мягко говоря, омерзительным, для меня не было новостью. Но только сейчас я разобрала его вдоль и поперёк, пересмотрев каждое платье. Единственное более-менее приличное я надела на завтрак с королевской семьёй. Оставшиеся внушали ужас.

Большинство — тёмно-коричневого цвета. Парочка чёрных. Одно тёмно-синее.

И всё. Ни одного нормального платья. Ни одного достойного принцессы. Все грубого, прямого фасона, из плотной, похожей на мешковину ткани. *Венценосный брат настолько её ненавидел, что выслал из страны, даже не снабдив нормальным гардеробом?!*

Я тяжело вздохнула. Какими бы ни были причины, сподвигшие его Имперское Величество на такое отношение к сестре, моих проблем в настоящем это не решало.

На бал идти не в чем.

Королевская модистка так ко мне и не пришла. Совсем отчаявшись, я приказала Лайзе привести эту особу ко мне лично. На что старшая горничная, вернувшись минут через тридцать, ответила, что модистка сейчас занята гардеробом королевы и зайдёт ко мне через пару дней, чтобы обсудить детали свадебного платья. На большее у неё времени нет.

Мои брови изумлённо взлетели вверх. Что это за модистка такая, у которой график плотнее, чем у самой королевы? Та и то нашла время, чтобы встретиться со мной, пусть и за трапезой.

Хотя обижаться на подобное было глупо. Учитывая, как меня приняли во дворце, легко можно было догадаться: все слуги, желая выслужиться перед высшим начальством, будут относиться ко мне как минимум с насмешкой, как максимум — с открытым презрением.

— Тогда пусть придёт любая другая модистка, — с трудом сдерживая раздражение, сказала я старшей горничной.

Вся эта ситуация уже порядком надоела. — Не все же они работают у королевы.

— Остальные модистки заняты дамами из высшей аристократии Эльдорана, — жеманно ответила дворцовая горничная. — Сейчас сезон балов. И запись к ним доступна не ранее, чем через три-четыре недели.

— Понятно, — сдержанно ответила я.

Как бы они надо мной ни издевались, я не доставлю им удовольствия — ни криков, ни истерик, ни тем более слёз. Если они вздумали сломить меня проблемой с тряпками и отсутствием должного уважения к статусу принцессы, то не на ту напали. Алло, ребята, я вообще-то менеджер по продажам! Чего я только не видела на своей работе!

— Запиши меня к лучшей модистке, как только у неё появится свободное окно. И к сапожнику тоже. И к парикмахеру, — я иронично выгнула правую бровь. Всегда гордилась этим умением. — Или у него запись тоже на месяцы вперёд расписана? А может, даже на годы? — Я не сдержала смешка.

Лайза удивлённо вскинула глаза. Видимо, ожидала от меня совсем другой реакции.

Нет, это ты, дорогая, ещё не разбиралась с пьяным клиентом, который среди зимы, когда за окном вьюга воет, вдруг решил осчастливить себя кондиционером. Причём с особым требованием — чтобы тот жарил, как доменная печь! А когда ему терпеливо растолковали, что законы физики даже для пьяных исключений не делают, милейший покупатель

впал в боевое безумие: принялся запускать утюги прямо в персонал через витрину — с такой меткостью, будто всю жизнь тренировался исключительно в метании утюгов. Так что после таких приключений ваши мелкие гадости — просто милая детская забава.

— Хорошо, я сделаю, как вы велели, — поджав губы, ответила она.

Кивнув, я отправила Лайзу вместе с ещё двумя дворцовыми горничными прочь. Сейчас мне не до них. Время до начала бала стремительно сокращалось, а проблема с нарядом всё так же лежала на моих плечах.

Ещё раз обшарив гардероб, я вынуждена была остановиться на единственном тёмно-синем платье.

Оно ни к глазам принцессы не подходило, ни фигуру не делало стройнее, но по сравнению с остальными нарядами выглядело не столь кошмарно. Простой крой, длина в пол. Однако хотя бы без ужасных белых кружев, напоминавших передник горничных.

Платье не предназначалось для пышного бала, и тем не менее в нём можно было выйти из покоев, не сойдя за служанку. Высокая причёска к этому наряду смотрелась бы чуждой и неуместной, поэтому верная Хельга просто расчесала мои волосы и заколола височные пряди драгоценными шпильками, что каким-то чудом очутились среди вещей Лилабелль.

«Это теперь твои вещи, Лера, — напомнила я себе. — *И*

тело тоже. Другого у тебя, судя по всему, уже не будет».

Макияж я взяла на себя: приложила все усилия, чтобы кожа выглядела нежной и белой, а глаза, наоборот, максимально подчеркнула аккуратными стрелками. В итоге образ вышел строгим и лаконичным. Но совершенно не соответствовал столь пышному мероприятию.

— Принц оценит ваши усилия, — с искренней улыбкой прощебетала Хельга. — Вы в жизни не выглядели лучше!

«Охотно верю, — мрачно подумала я. — Судя по всему, в родной семье к Лилабелль относились не лучше, чем к рабыне».

— Вот что, Хельга, — встрепенулась я. — Что бы там ни говорила Лайза, ты завтра с утра пройдись по местным модисткам. Не верю, что ни у одной не найдётся свободного времени, чтобы уделить его принцессе Великой Кентерийской Империи.

Тут я лукаво улыбнулась.

— И про себя не забудь. Закажи себе несколько платьев. Дорогих, из хорошей ткани. Тёплый плащ. Вообще выбери всё, что тебе необходимо. И не вздумай экономить! Приближаются холода, а у женщины всегда должны быть наряды на все случаи жизни.

Я подмигнула худенькой девушке.

Хельга была единственной, кто относился к Лилабелль с теплотой. Для кого она не была покрытой дурной славой старой девой, вся жизнь которой прошла за четырьмя стенами.

Для кого она была настоящей принцессой, к которой следовало относиться с уважением и почтением.

Кто видел в ней больше, чем, возможно, сама Лилабелль могла увидеть в себе.

— Ну что вы, Ваше Высочество, не надо, у меня всё есть, — смущённо залепетала та, потупив взгляд.

— Не обсуждается. Ты моя личная горничная и всегда должна выглядеть соответствующе, — я решила немного схитрить. Раз её так смущает моё предложение, пусть считает, что достойно выглядеть — её профессиональная обязанность. С другой стороны, так действительно и есть.

Дальнейшие возражения Хельги прервал решительный стук в дверь — три удара, коротких и уверенных.

Я сразу догадалась, кто это.

Эйдариан. Время как раз приближалось к семи часам.

Я невольно выпрямила спину.

***

— Я слышал, что в Империи вы вели довольно замкнутую жизнь, — неожиданно сказал Эйдариан, разрезая повисшую в воздухе тишину.

Это были его первые слова за вечер, если не считать формального приветствия. Мы уже минут десять спускались по многочисленным лестницам белокаменного дворца, и напряжение, исходившее от принца, с каждой минутой становилось всё ощутимее.

— О, так вы всё-таки куда больше прислушиваетесь к чу-

жим словам, чем вам кажется, Ваше Высочество, — едко бросила я. — Не иначе как сказывается юный возраст.

Слова Эйдариана неожиданно взбесили меня, разлились в груди дикой яростью. Кто он такой, этот красивый и избалованный вниманием принц, чтобы бросаться подобными фразами? Которые звучали одновременно как обвинение и приговор. Кто он такой, чтобы судить несчастную, всеми преданную Лилабелль, у которой не было ни единого друга, а единственной отдушиной была грубая физическая работа в саду?!

— А вас так беспокоит мой возраст? — стиснув зубы, отрывисто бросил Эйдариан.

— Нет, но вас, похоже, беспокоит мой, — в тон ему ответила я.

— И с чего вы сделали подобный вывод?

Эйдариан остановился посреди лестницы и внимательно посмотрел на меня. Его невероятной красоты глаза казались серо-синими в тусклом свете светильников, которые через каждые пару метров неярко мерцали вдоль стены.

— Ну, а как же… — я умолкла.

Действительно, в нашу единственную встречу принц ничего не говорил о возрасте. Да, он был резким, прямолинейным, но ни словом не обмолвился о нашей разнице в годах. Всё остальное додумала я *сама*, опираясь на банальную логику и свой жизненный опыт.

— Если я был грубым с вами… — ровно сказал принц.

— Прошу прощения. У меня не было цели как-то обидеть вас или задеть. Я всегда предпочитаю разговаривать прямо и открыто. Хотя признаю, что подобное моё поведение не всегда нравится дамам.

— Ваше Высочество, я сама ценю честность превыше всего, — искренне ответила я. — И если будет выбор между ласковыми, но лживыми словами и жёсткими, но честными — я всегда выберу второе.

Эйдариан внимательно рассматривал меня. *Так, словно видел впервые.* Его взгляд, не отрываясь, блуждал по моему лицу. А я тайком рассматривала его. Принц был одет в обманчиво простой камзол чёрного цвета, на обшлагах и вороте которого бежала серебряная вышивка. Длинные волосы он собрал в низкий хвост. На большом пальце правой руки поблёскивал массивный перстень с серым камнем. И только сейчас я впервые по-настоящему ощутила, какой он высокий — даже в туфлях на небольшом каблуке я едва дотягивалась до его плеч.

— Рад, что у нас одинаковые взгляды на столь важные моменты, — низким голосом произнёс он и вновь протянул мне руку.

Дальнейший наш путь к бальному залу протекал в молчании. *Но это было комфортное молчание*. Находиться рядом с принцем оказалось неожиданно приятно. Его тёплая рука покоилась на моей, слегка сжимая пальцы, и, неожиданно для себя, я расслабилась.

До тех пор, пока мы не спустились на первый этаж и не оказались в чёртовом холле с зеркальной стеной.

Тут я впервые увидела нас со стороны.

И ужаснулась.

Высокий элегантный мужчина поддерживал под руку согбенную, чуть полноватую женщину с усталым морщинистым лицом и сединой на висках. Ни одному косметическому средству так и не удалось скрыть возраст принцессы — как и не удалось замаскировать то, что она всю жизнь не уделяла своей внешности ни малейшего внимания. К тому же привычка горбиться, доставшаяся мне в наследство от Лилабелль, никуда не делась. Я-то считала, что держу спину прямо, но упрямое тело незаметно для меня само приняло привычную позу.

Контраст с молодым принцем был невероятным.

Увидь я сама подобную картину со стороны, то пожалела бы парня, которому такая дама выпала в партнёры. Хотя я никогда в жизни не была ханжой и к разнице в возрасте относилась совершенно спокойно — при условии, что оба участника совершеннолетние. Но рядом с этим шикарным стройным мужчиной я выглядела откровенно жалко. И ужасное платье лишь усугубляло впечатление.

Эйдариан же лишь мельком мазнул взглядом по зеркалам. Напряжение, исходившее от принца в самом начале встречи, усилилось. Я почувствовала, как закаменели его мышцы.

В моей груди возникло неприятное скребущее чувство —

словно маленькая мышь изнутри раздирала мою грудь коготками. Ощущение было незнакомым и очень неприятным. Оно вызывало неясную тревогу, к которой диссонанс от нашего внешнего вида не имел никакого отношения.

Я тревожно оглянулась. Мы как раз подходили к высоким белоснежным дверям, ведущим в бальный зал дворца, и всё вокруг сияло чистотой и роскошью. Неприятное чувство лишь усилилось. Невидимая мышь в груди заскреблась быстрее. Я даже хотела спросить Эйдариана, не знает ли он, что это такое, но передумала. Про ментальное здоровье принцессы и без того ходило слишком много слухов — не хватало ещё, чтобы он действительно решил, что я безумна.

— Наследный принц Эльдорана Эйдариан Винтерхейл и принцесса Лилабелль Кентерийская!

Усиленный магией голос церемониймейстера прогремел так, что, кажется, достиг даже соседних королевств. Двери перед нами распахнулись — и меня захлестнуло волной ослепительного света.

***

В бальном зале царила *безграничная роскошь*.

Под сводами парили величественные хрустальные люстры — каждая напоминала застывший водопад из сотен искрящихся подвесок. Они рассыпали мягкий, почти волшебный свет, который преломлялся в гранях хрусталя и танцевал на стенах золотыми бликами. Массивные подсвечники на столах с закусками вторили этому великолепию, наполняя зал

тёплым торжественным сиянием.

Обстановка была изысканна до мелочей. Всюду, где только находилось место, стояли огромные букеты белых роз, стены сияли позолотой, будто отражая закатное солнце. В дальнем конце зала, на массивных постаментах, возвышались два гигантских трона, сплошь усыпанных бриллиантами — тысячами, десятками тысяч сверкающих камней. Они сияли так ослепительно, что это было заметно ещё с порога. За тронами во всю стену висел белоснежный стяг с гербом королевской семьи — двумя переплетёнными руками.

«*Эльдоран знаменит своими алмазными копями*», — вспомнила я. Как же я раньше не догадалась, откуда такое стремление к кричащей роскоши? Этого практически требовал статус одной из самых богатых стран этого мира!

Принц Эйдариан крепче сжал мою руку, и мы медленно двинулись сквозь пёструю толпу придворных. Туалеты дам поражали воображение: пышные платья, сотканные из тысяч кружев, затмевались блеском украшений, чьё сияние вполне могло конкурировать с верхним освещением. В высоких причёсках искрились бриллианты, на пальцах блестели многочисленные кольца, а шеи дам едва выдерживали тяжесть массивных колье. Мужчины тоже выделялись роскошью нарядов: дорогие, расшитые драгоценными нитями камзолы и сверкающие перстни с изысканными запонками делали каждого из них похожим на живую шкатулку с сокровищами.

Мы двигались медленно, слушая шёпот тканей и приглу-

шённые разговоры, и каждый шаг давался мне всё труднее. Потому что шепчущиеся явно не потрудились приглушить свои голоса.

— Старуху привезли…

— Да это же Безумная Лилабелль…

— ВЕЛИКИЕ БОГИ, СКОЛЬКО ЖЕ ЕЙ ЛЕТ… Пятьдесят?! Шестьдесят? Больше?!

— Не завидую Эйдариану, как же он на неё драть-то будет? Надо бы посоветовать ему хорошее возбуждающее средство… Или два. Или целую аптеку!

— Вильме, дорогая, представьте себе, они думают, что ЭТО сможет зачать? Да ей уже о внуках думать надо, а не в постели молодого принца скакать!

— Да смилуются над нами Боги…

— Фредерик, я слышал, что она сошла с ума!

— Возможно. Хотя до меня дошли слухи поинтереснее: будто в родной Империи она держала целый гарем из гвардейцев. Опытная сучка. Интересно, у неё был график, как у смены караула, или она брала всех сразу?

— Да наверняка! И братец её, развратный Антуан, небось тоже в очередь вставал…

— Фу, какая мерзость! И эта потасканная шлюха теперь будет нашей будущей королевой?! Нет, нет и ещё раз нет! Да никогда в жизни этому не бывать!

Боги, и это так называемые аристократы!!! У меня напротив дома находилась пивнушка, где собиралась вся местная

алкогольная знать, и те, знатно употребив хмельного, вели куда более интеллектуальные и приличные беседы: о чувствах, о судьбах, о смысле существования и тайнах Вселенной. Как так получалось, что бароны хмеля и графья закусочной вилки моего мира оказались куда более воспитанными людьми, чем высший свет Эльдорана?!

Эйдариан шёл с непроницаемым лицом, и толпа перед ним немедленно расступалась. Многие придворные откровенно заглядывали нам в лица, пытаясь прочесть хоть какие-то эмоции. Я тоже старалась оставаться максимально безэмоциональной, несмотря на окружавшее меня шипение.

Наконец мы приблизились к двум бриллиантовым тронам и согнулись в положенном поклоне. Я едва взглянула на правящую чету — и тут же почувствовала, как настроение падает быстрее, чем стоимость циркулярной пилы на распродаже.

Королева в белоснежном платье, усыпанном драгоценными каменьями, сама служила источником света и притягивала к себе все взгляды, как невеста в день долгожданной свадьбы. Бриллиантовое колье паутиной оплетало её шею и хрупкие плечи. Золотистые локоны были собраны в идеальную причёску, будто каждая прядь подписала контракт на безупречность. Король тоже выглядел невероятно изысканно в своём дорогом камзоле с золотой перевязью через плечо и тщательно уложенными волосами.

Мне и так хватило зеркальной стены, чтобы настроение

ушло в отрицательные числа, но теперь, на контрасте с блистательными монархами, я чувствовала себя особенно убого в этом неказистом платье и этом убогом теле.

— Эйдариан, моя плоть и кровь, — звучно произнёс король Филипп, — сегодня мы празднуем не одно, а сразу два великих события: твою помолвку и заключение мирного соглашения с Великой Кентерийской Империей. Пока что временного, — король ненадолго замолчал, — но скоро всё изменится. Наши страны будут жить в мире и согласии, и мы забудем о тех страшных временах, что так долго терзали и Эльдоран, и Империю.

Лёгкая улыбка коснулась губ короля.

— Однако не будем забывать о самой яркой звезде этой ночи! — Его голос окреп, наполнился теплотой. — Воздадим почести и благодарность Её Высочеству принцессе Лилабелль Кентерийской, которая ради мира и благополучия наших стран прибыла к нам во дворец. Приветствуем вас, Ваше Высочество! Этот бал — в вашу честь!

Король поднял взгляд, и я почувствовала, словно на меня нацелился луч прожектора.

— Мы рады, что наши семьи скоро переплетутся узами брака, благодаря которому на наших землях воцарится долгожданное спокойствие. И мы рады, что вы наконец присоединились к нам, идя рядом с нашим сыном, держась за руку с тем, кого мы по праву считаем будущим нашей династии.

Король громко захлопал. Аристократы с явной неохотой

присоединились к овациям. Королева София сидела на своём троне — ни жеста, ни тени улыбки, ни единого лишнего движения. Красивая. Безупречная. *Абсолютно ледяная — точно бриллиант, которого никто и никогда не согревал.*

Эйдариан снова элегантно поклонился, и мне оставалось лишь последовать его примеру. Мы выпрямились, и он плавно потянул меня за руку к центру зала.

— Все ждут от нас, что мы откроем этот бал первым танцем, — шепнул он на ухо, и его голос звучал коротко и обжигающе, как прикосновение пламени к коже.

Я почувствовала тревогу. Местные танцы были мне незнакомы, и пока мой мозг лихорадочно искал выход, принц уже начал двигаться. К моему великому счастью, танец обернулся банальным вальсом. Лёгкий, плавный, почти предсказуемый. Я вздохнула с облегчением: у этого мира было больше общего с моим, чем я думала.

В детстве я несколько лет ходила на танцы. Пусть и не достигла больших высот, но управлять своим телом научилась неплохо. Так что ждавших сенсаций аристократов постигло горькое разочарование — двигалась я вполне грациозно. С высоко поднятой головой.

— Одета как нищенка! Это точно принцесса?! Не удивлюсь, если кентерийцы под видом госпожи заслали самую старую из своих служанок!

— Огастус, ты посмотри, какие гибкие у неё движения. А задом-то как крутит. Кобылка явно с пробегом! С таким

опытом только в борделе работать!

— Не иначе как на братце своём напрактиковалась! Кобель Антуан и на родную сестру заскочил, раз уж на эту развалину больше никто не позарился!

— Ха, Антуан мог выбрать в любовницы кого угодно, зачем ему придурковатая сестрица… Хотя для извращенца сойдёт.

— Вокруг столько прекрасных девушек, а наш принц вынужден танцевать с этой хрычовкой!

— Бедный Эйдариан! Ему же придётся исполнять супружеский долг с этой развратной старухой! Как он вообще сможет?! Может, ему мешок на голову надеть? И представлять, что под ним кто-то другой?

— А я вот думаю… — в голосе сквозила насмешка, острая и совсем не добрая, и именно эта насмешка резала острее всего. — Зачем вообще терпеть? Эльдоранский двор печально известен своей… памятливостью. Особенно к нежным иностранкам, которые забывают своё место. Случайности здесь — совсем не редкость.

— Ах, и правда… Как было бы досадно, если бы столь «юная» невеста не дожила до собственной свадьбы.

Шипение придворных доносилось со всех сторон, накатывало волнами, душило. Я стиснула зубы, уставившись в точку над плечом Эйдариана. Хуже всего было то, что принц тоже прекрасно слышал этот шёпот. Он и так не был в восторге от Лилабелль, а уж с такой «поддержкой» подданных…

Страшно было представить, к каким выводам он в итоге придёт.

Всё-таки принц был ещё очень молод, и окружение могло иметь на него большое влияние.

Наконец танец подошёл к концу. Эйдариан взял мою правую руку, поднёс к губам и запечатлел на ней быстрый поцелуй. Аристократы бурно зааплодировали. Разумеется, не мне, а храбрости принца, который не побоялся своими прекрасными губами коснуться «старческой кожи» принцессы. Так, по крайней мере, думало большинство придворных, судя по их перекошенным в отвращении и злорадстве лицам.

Эйдариан, не отпуская мою руку, повёл меня вправо, к столам с закусками, что располагались недалеко от выхода в сад. И снова меня настигло это странное напряжение, исходившее от принца. Он был словно натянутая тетива, готовая выстрелить в любой момент.

— Мне придётся оставить вас на некоторое время, Лилабелль. Прошу за это прощения. Есть неотложные дела, которые я должен закончить. Обещаю присоединиться к вам сразу, как освобожусь, — серые глаза принца пристально вглядывались в мои.

— Конечно… ничего страшного… я вас подожду, — неловко пробормотала я.

А что мне ещё оставалось? Вцепиться ему в рукав и умолять, чтобы не бросал меня здесь одну? Здесь, в окружении незнакомцев, чьи взгляды обжигали откровенной неприяз-

нью?

Стыдно было признаваться, как *страшно* мне было оставаться одной в этом обществе. Я чувствовала себя маленькой рыбкой, которую бросили прямо в аквариум с акулами. Без малейшей надежды на спасение.

«Лерка, ну ты что, — дала я себе мысленный подзатыльник, — всегда такая храбрая была! Сейчас-то что случилось?»

— Герцог Локсли скоро составит вам компанию, — не отводил взгляда принц, — вы можете полагаться на него во всём. Я доверяю ему так же, как и себе.

Эйдариан отпустил мою руку, внимательным взглядом ещё раз прошёлся по моему лицу и, дождавшись утвердительного кивка, стремительно шагнул вглубь зала. Не прошло и минуты, как он растворился в шумной толпе придворных.

Я осталась совсем одна.

***

Я стояла совсем одна возле столов с закусками. Из арки, ведущей в сад, доносился заливистый хохот аристократов, обсуждавших главную новость сезона — старую невесту для юного принца.

То есть меня.

Я им даже позавидовала. Нет, не тому, что они упивались сплетнями и унижали другого человека, а тому, какими счастливыми и беззаботными они были в этот момент.

Я себе подобного позволить не могла. Хотя мне вдруг тоже безумно, до ломоты в костях, захотелось прогуливаться тёплым вечером по королевскому саду, вдыхать запах цветов, хлопать ресницами, блистать в ослепительных нарядах и опираться на руку галантного кавалера. Хоть раз в жизни мне захотелось сказки для себя!

Но реальность была другой. *Если это и сказка, то очень страшная.*

Я так и продолжала стоять в полном одиночестве под презрительными взглядами придворных. Чтобы хоть чем-то занять руки, я взяла с подноса бокал шампанского и сделала маленький глоток. Взгляды местной публики с каждой минутой становились всё более унизительными. Никто из высокородных вельмож не подошел ко мне. Никто не заговорил.

Недалеко от меня стояла стайка девиц в дорогих нарядах, и какая-то совсем ещё юная особа громко рассмеялась, указывая на меня веером. Мужчины, проходившие мимо, высокомерно морщились и кривили губы, разглядывая мою внешность с нездоровым интересом.

Выносить всё это не было сил. Я снова глотнула шампанского и высоко задрала голову, сделав вид, что рассматриваю золотую лепнину под потолком. Из-за чрезмерного усердия моя спина изогнулась вопросительным знаком, только в противоположном направлении. Ноги слегка растопырились, как у кошки, готовой к неожиданному прыжку.

Именно в таком виде меня и застал герцог Локсли.

Хуже всего, что герцог был не один, а в компании крупного розовощёкого блондина лет сорока от роду. Тот окинул меня настолько брезгливым взглядом, что мне с ходу захотелось заехать по его лощёной физиономии.

— Кхм, добрый вечер, Ваше Высочество, — откашлялся Эдвард Локсли. — Рад, что внутреннее убранство дворца пришлось вам по вкусу. Даже не хотелось отвлекать вас от столь увлекательного занятия.

Снова эти его смеющиеся глаза, в глубине которых поблескивали откровенно дьявольские огоньки.

— Но я обещал Фредерику, что представлю вас друг другу.

Фредерик … Где-то я уже слышала это имя.

— Лорд Фредерик Боуэлл, Второй Советник Его Величества, — губы герцога изогнулись в ядовитой, практически незаметной усмешке.

И я вспомнила, откуда знаю это имя. Это к нему с пошлыми комментариями обращался незнакомый мне мужчина во время моего танца с принцем, а блондин, помнится, ответил, что я перетрахала целый полк гвардейцев в родной Империи.

— Рада знакомству, милорд, — сквозь зубы процедила я.

Вот понимала умом, что надо быть хитрее, улыбаться, держать лицо, но внутри всё переворачивалось, когда я снова и снова натыкалась на полный отвращения взгляд Второго советника.

— Я всегда к вашим услугам, Ваше Высочество, — лице-

мерно поклонился тот. — Не выразить словами, как рад видеть вас воочию. Даже один ваш взгляд, брошенный в мою сторону из толпы, уже был бы для меня величайшей наградой, о которой я и мечтать не смел. Это истинная честь — быть лично представленным такой прекрасной и влиятельной принцессе.

«Интересно, на кого рассчитана вся эта клоунада?» — мрачно размышляла я, разглядывая не по годам румяное лицо блондина. «Неужто мне на пути попался ещё один титулованный баран, считающий Лилабелль полной дурой?»

Так-так-так. Пора подобное пресекать на корню.

— Для меня это тоже большая честь, милорд, — наконец у меня получилось растянуть губы в невинной улыбке. — Не каждый день знакомишься со *Вторым* Советником короля.

— Можете обращаться ко мне без церемоний, по имени, — улыбка на лице лорда Боуэлла заметно померкла. — Я человек простой. Не гоняюсь за титулами и должностями.

«Ага, а попросту рвусь к трону, не гнушаясь никакими способами», — мысленно закончила я за него с язвительной усмешкой. Откуда эта мысль взялась — не знаю, но она пронзила меня первой же, стоило лишь взглянуть на него при знакомстве. Резко. Жгуче.

Интуиция? Или просто очевидное? Потому что у Второго Советника жажда власти буквально горела на лице. Крупными буквами. Невозможно было не увидеть.

— Конечно, конечно, — благосклонно покивала я. —

Сколько лет вы занимаете должность Второго Советника, Фредерик?

— Пятнадцатый год подряд, — поджал губы советничек.

Герцог Локсли стоял рядом с совершенно безмятежным видом, но мне казалось, что он с трудом сдерживается, чтобы не расхохотаться.

— Какие ваши дальнейшие планы в карьере? — не отставала я, ставя таким образом наглого блондина в тупиковое положение.

Он не мог прямо заявить, что мечтает стать Первым Советником. Рядом стоял Эдвард Локсли — его непосредственный начальник и одновременно формальный Глава Великого Совета, человек, чьё присутствие излучало ощущение непререкаемой власти.

Признаться в желании дальнейшего карьерного роста означало обострить ситуацию: это выглядело бы как попытка подсидеть начальника, углубить разногласия, нарушить расстановку сил. Но сказать, что он не хочет продвижения, значило выставить себя безамбициозным и ленивым. Он оказался в рискованной двойной ловушке, где любой шаг мог быть истолкован неправильно, а любая фраза — осуждена окружающими.

— Моя главная цель — верой и правдой служить дому Винтерхейлов. И никогда не обманывать их доверие, — выкрутился Боуэлл.

Нда. Не зря, все-таки, он занимал пост Второго Советни-

ка.

— Как и у всех нас, — вмешался в разговор герцог, явно опасаясь, что наш разговор с Фредериком уйдет в открытую конфронтацию. — У вас, Ваше Высочество, скоро тоже начнется ваша собственная служба перед королевским домом.

Он тонко улыбнулся.

— Все мы служим нашему долгу в той или иной степени, — бесцеремонно вклинился Боуэлл. — Мой кузен, например, служит в посольстве Великой Кентерийской Империи. Томас Боуэлл — может, вы знакомы с ним, Ваше Высочество? Виделись во дворце или на официальных мероприятиях?

Он наградил меня подозрительным взглядом.

Я растерялась. Понятия не имела, была ли знакома настоящая Лилабелль с двоюродным братцем этого мерзкого блондина. И как быть? Как выкрутиться?!

— Томас — очень высокий блондин и, как говорят, весьма похож на меня, — никак не отставал Фредерик Боуэлл. — Неужели вы ни разу не встречали его в Империи? *Он уже давно при дворе.*

— Может, встречала, а может, и нет, — не слишком вежливо ответила я. — Всех не упомнишь.

Достал уже.

Второй Советник выглядел откровенно разочарованным. И задумчивым. Скорее всего, он думал, что знакомство с его кузеном позволит ему наладить более быстрый и доверитель-

ный контакт со мной.

Вот только зачем?

— В таком случае, я хотел бы пригласить вас на танец, Ваше Высочество. Даже один короткий танец с вами доставит мне незабываемое удовольствие. И кто знает, быть может, у нас ещё найдутся общие знакомые в Империи.

Я почувствовала, что ступаю на зыбкую почву.

Второй танец с Советником короля мог поставить меня в очень неприятное положение. На балу я не знала абсолютно никого, и всем вокруг это было прекрасно известно. Невеста принца второй раз танцует с совершенно незнакомым мужчиной, да ещё в отсутствие самого принца, а это сколько толков! Даже я, выросшая в другом мире, с другими правилами и нормами морали, понимала это.

Да и чересчур подозрительные взгляды Второго Советника радости не прибавляли.

— Её Высочество сегодня не танцует ни с кем, кроме принца, — я услышала голос герцога Локсли и выдохнула с облегчением. — Личный приказ Эйдариана.

— Какая жалость. Надеюсь, в следующий раз наша изумительная принцесса всё же сможет уделить мне больше времени, — Фредерик отвесил мне низкий поклон, но в этом поклоне мне мерещилась издевка.

Я никак не могла понять этого мужчину. Что на самом деле скрывалось за потоками чрезмерной лести и при этом неприкрытого сарказма?

— Эйдариан не отдавал никакого приказа, — сказала я герцогу, когда спина Фредерика Боуэлла скрылась среди танцующих пар.

Это было утверждение, а не вопрос.

— Не отдавал, — после короткой паузы согласился тот.

Я всмотрелась в герцога внимательнее. Высокий, с иссиня-чёрными волосами и лёгкой проседью, которая ему очень шла. Несмотря на возраст, по-прежнему худощавый и подтянутый. Элегантный мужчина с проницательным взглядом, от которого в груди словно натягивалась тугая нить воспоминаний.

Кого-то он мне напоминает…Ах да. Эйдариана!

И… *короля?!*

Возможно ли, что их связывает родство? Все трое одинаково темноволосые, высокие, с невероятно большими глазами, которые будто видят собеседника насквозь, до самой души.

Я снова столкнулась со своей главной проблемой — катастрофическим отсутствием информации. Хорошо. Буду импровизировать на ходу.

— Вы всё-таки удивительно похожи на короля, Ваша Светлость, — я решилась идти напролом. Если Эдвард Локсли действительно родственник короля, то для высшего света это точно не секрет. Если нет — выдам свои слова за неудачную шутку.

— Конечно, похож, — хмыкнул он, и в голосе его промелькнула явная усмешка. — Троюродный брат, как-никак.

Вон оно что…

Теперь многое встало на свои места. И близость к трону, и влияние при дворе, и титул герцога в конце концов.— Винтерхейлы не прощают предательство, — вдруг произнес Эдвард Локсли, и голос его стал жёстче. — И тех, кто их подвёл. В этом Боуэлл был прав. — Он остро взглянул на меня, и я едва сдержалась, чтобы не отступить. — Не подведите нас, Лилабелль. Мы многим пожертвовали ради этого брака. Эйдариан многим пожертвовал.

Меня словно кипятком обожгло.

Ярость огненной волной разлилась по венам.

Опять! Опять все только о том и говорят, как тяжело пришлось Эльдорану с обузой на шее в лице престарелой принцессы. О своем несчастном принце, что согласился эту обузу принять. *А о том, каково мне, никто даже не задумывается?!*

— Риан мне как сын, — продолжал тем временем герцог, не замечая моего возмущения. — Я вдовец, своих детей Боги не дали. Я растил его почти с самого детства. Не поймите меня превратно — Филипп прекрасный отец. Но главная цель его жизни — прекратить бесконечную войну с этой проклятой Импе…

Тут герцог быстро взглянул на меня и осёкся.

Откашлявшись, он произнес уже более сдержанно:

— Прошу прощения, Ваше Высочество. Полагаю, вам известно, какой жестокой и кровавой была эта война для обеих

сторон. — Его лицо потемнело. — Мы теряли земли, вы — людей. Потом на захваченных Империей территориях начались разруха и голод, и десятки тысяч беженцев хлынули в Виридию в поисках спасения. Долгие десятилетия не было ни малейшей надежды на мир… пока на престол не взошёл ваш брат.

Ну надо же. Какое у Антуана амплуа *миротворца*.

— Филипп с самого детства мечтал положить конец этой войне. Грезил этим. Он всегда говорил, что пойдёт на всё, лишь бы прекратить кровопролитие… — Герцог помолчал. — Правда, условия мира, которые выдвинул ваш брат, многих удивили.

Он многозначительно приподнял брови.

Я мало что понимала в военном деле, но легко могла представить изумление генералов — как с одной, так и с другой стороны — когда Антуан главным условием перемирия назвал женитьбу наследного принца Эльдорана на его умалишенной сестре. Ведь именно такой считал Лилабелль весь мир.

Безумной. Немолодой. Непригодной ни к чему, кроме жизни взаперти.

— Филипп — настоящий король. Добрый и честный, — в голосе Локсли звучала неподдельная гордость. — Ещё ребёнком он видел, как страдают его подданные, как целые города исчезают с лица земли, как семьи пропадают без вести. А повзрослев, начал искать способ остановить войну. Он без

колебаний отдал бы за мир собственную жизнь, будь в этом хоть какой-то смысл. Но вашему брату жизнь Филиппа была не нужна. *Ему требовалось нечто иное.*

Герцог сделал паузу.

— Я лично представлял короля в Империи и вёл переговоры о вашем браке. Процесс оказался куда сложнее, чем кто-либо предполагал — старые обиды и взаимное недоверие обеих сторон снова и снова заводили нас в тупик. — Он усмехнулся. — В какой-то момент я всерьёз подумывал, что придется обзавестись домом в Империи — настолько всё затянулось. Но вот вы здесь, в сердце Эльдорана, и совсем скоро станете женой принца. Значит, мои труды не пропали даром.

Первый Советник ободряюще коснулся моего плеча.

— Эйдариан получил воспитание в том же духе, что и его отец: *для него нет ничего выше чести*. В этом не сомневайтесь.

Я внимательно слушала его рассказ. Чувствовала — он был искренен. А значит, настало время задать подходящий вопрос.

— Ваша Светлость, — я сделала вдох, — король заставил Эйдариана дать согласие на этот брак?

Да, я помнила, что принц лично рассказывал мне, что дал согласие добровольно. Но чем больше я сталкивалась с его окружением, тем меньшей мне казалась такая вероятность.

— Нет, конечно же, нет, — Локсли даже звонко рассме-

ялся. — Я же вам сразу сказал: принц воспитан человеком чести. *Это было полностью его решение*. Да и сомневаюсь, что найдётся хоть один человек, который смог бы заставить Эйдариана сделать что-либо против его воли.

Во время нашей беседы к нам один за другим подходили аристократы, усыпанные бриллиантами и облаченные в роскошные наряды. Дорогие ткани, сияющие драгоценности, изысканные украшения — каждый стремился продемонстрировать своё богатство и знатность рода. Дамы опускались в изящных реверансах, мужчины элегантно склонялись в поклоне.

Но не передо мной.

Вся эта учтивость была обращена исключительно к Эдварду Локсли. Для высшей знати Эльдорана я так и оставалась невидимкой.

Неужели их не тревожила даже меркантильная сторона дела?! Ведь в один день я стану их королевой! Или это будущее казалось настолько невероятным, что ни один аристократ не считал нужным побеспокоиться об этом?!

Видимо, так и есть. Никто из присутствующих не верил, что однажды я всё-таки стану женой Эйдариана!

— Я обещал Риану, что останусь с вами до его возвращения, — неожиданно сказал герцог. — Вот только король уже не единожды сделал мне знак, что моё присутствие рядом с ним крайне необходимо. — Он виновато улыбнулся. — К счастью, я оставляю вас в надежных руках.

И, к моему ужасу, он указал рукой на двух женщин, которые медленно, лебединой походкой, продвигались к нам из глубин зала.

Я опустошила бокал шампанского залпом.

Одной из женщин оказалась вечно хмурая леди Тейнс.

Второй же была вдовствующая королева Надин.

***

— Вы не видели Алессандра? Может, он пробегал мимо вас?

Главная статс-дама двора скользнула взглядом по залу, едва сдерживая рвущуюся наружу тревогу.

— Простите, кого?— Алессандра. Моего сына, — леди Тейнс с трудом удержалась, чтобы не закатить глаза. — Мальчишка еще слишком мал для подобных мероприятий! Но всё равно умудрился сбежать на бал! Несмотря на мой категорический запрет: оставайся в покоях и ни шагу за порог!

— Дорогуша, а это что у нас в Империи теперь такое принято носить? — Вдруг ехидно осведомилась вдовствующая королева Надин. Все это время она не сводила с меня взгляда, так пристально разглядывая мое платье, что наверняка умудрилась рассмотреть каждый шов.

Я взяла с подноса проходящего мимо официанта еще один бокал шампанского. Как бы не спиться с такими-то собеседниками!

— Принято, — ответила я в тон старой грымзе. — Но

только если женщина молода и красива!

Разумеется, вдовствующая королева прекрасно знала, что нарядиться в это ужасное платье я могла лишь в крайнем отчаянии. И мой скудный гардероб, как ни странно, не был секретом для дворца — горничная Лайза наверняка растрепала, в каких обносках доставили принцессу в Эльдоран. И всё равно Надин не могла отказать себе в удовольствии прилюдно унизить меня.

— Если этот наряд подходит только молодым и красивым, то зачем вы его надели?

Коронованная стерва смотрела на меня с торжествующей усмешкой.

И я тоже хороша — попалась в собственную ловушку! Не учла, сколько лет королева Надин была женой короля Эдуарда, сколько лет фактически правила королевством и сколько лет набиралась опыта в самых утончённых дворцовых интригах.

— Ответ очевиден, Ваше Высочество. Раз меня признали достойной невестой для вашего внука, значит, я достаточно молода для любых платьев и нарядов!

Я решила надавить на самое больное — на драгоценного внука венценосной бабки. Раз меня заставили защищаться, без боя я не сдамся. Хотя для себя, как для взрослой женщины, я находила всю эту ситуацию оскорбительной. Собачиться с родственниками молодого мужчины из-за него самого… *Брр. Унизительней не придумаешь!*

Стоящая подле вдовствующей королевы леди Тейнс неодобрительно хмыкнула.

Её наряд был безупречно элегантным: сочетание белого и золотого подчёркивало каждую линию фигуры, тёмные волосы, убранные в строгую причёску, придавали ей возвышенный, по-настоящему царственный вид, а витое золотое колье добавляло роскоши. Я снова подумала, насколько красивой могла бы быть эта женщина, если бы не постоянно недовольное выражение лица.

— Так грубить взрослому, уважаемому человеку… Матери короля и бабушке вашего нареченного. Это в вас, Ваше Высочество, сейчас говорит знаменитое воспитание Империи?

Её голос прозвучал тихо, практически неслышно. Мне даже пришлось прислушаться, чтобы разобрать слова.

В груди снова завелась невидимая мышь. Бешено задёргала лапками, будто пыталась вырваться из грудной клетки и убежать подальше, унести меня прочь. То же желание охватило всё моё тело — хотелось рвануть с места, бежать без оглядки, пока этот замок и населяющие его люди не скроются из виду.

Тревога накрыла с головой. Ощущение надвигающейся катастрофы было настолько сильным, что меня начало заметно потряхивать.

Что, ко всем демонам, со мной происходит?!

— Миледи, у меня и в мыслях не было никому грубить,

— я заставила себя говорить ровно. — Я просто ответила на прямо поставленный вопрос. И, по-моему, вы что-то путаете. Если кто-то и начал грубить первым, то это точно была не я!

Не хотела, не хотела я никаких скандалов! Не хотела огрызаться, как подросток! Но смотреть на их самодовольные лица, выслушивать оскорбления, унижения, насмешки — всё это было выше моих сил! К тому же, я прекрасно понимала: если сейчас смолчу и проглочу все гадости до единой, дальше будет еще хуже. Они войдут во вкус.

Затравят окончательно.

Так, скорее всего, и произошло когда-то с настоящей Лилабелль.

— Ах…

Венценосная старуха надменно прищурилась и картинно схватилась за сердце.

— Я слышала, что нравы в Империи несколько отличаются от наших. Как-то раз я сопровождала незабвенного Эдуарда в спорные земли. В самый разгар войны, под грохот выстрелов и огненные залпы боевых магов, мы с трудом добрались до переговорного пункта. Тогда правил ваш отец.

Она бросила на меня взгляд, острый, как обсидиановое лезвие.

— Его интересовала только война! Но, признаюсь честно, поразило меня тогда совсем другое. Пока наши доблестные воины из последних сил сдерживали натиск врага, ваши сол-

даты прямо в окопах развлекались с кентерийскими девицами весьма лёгкого поведения. Развлекались так усердно, что эхо долетало до переговорного пункта, словно бой расписного барабана на параде. Мой великолепный Эдуард пустил в ход всё своё красноречие, чтобы убедить императора хотя бы на время прекратить огонь. Но разве можно договориться о мире, когда переговоры идут под страстный хор кентерийских шлюх?

В ужасе я уставилась на вдовствующую королеву. Мать короля. Бабушку наследного принца.

Вокруг сиял роскошью королевский дворец: дамы звонко смеялись над шутками кавалеров, сверкали бриллианты, гремела весёлая музыка. И посреди этого праздничного гомона Надин произносила такие омерзительные вещи, что в первый миг мне показалось, будто я ослышалась.

Полная иррациональность происходящего накрыла меня с головой.

— Вот на что согласны кентерийки: ублажать мужчин прямо на голой земле, в грязи! Прилюдно! Продавать своё тело за деньги!

Голос вдовствующей королевы приобретал всё более визгливые ноты. *Хуже того* — на нас начали оглядываться присутствующие на балу гости.

— Это было во время войны, Ваше Величество, — я попыталась вернуть разговор в привычное русло, стараясь говорить тихо. — Никто на самом деле не знает, что происхо-

дило ни на одной, ни на другой стороне.

— Дорогуша, то есть вы утверждаете, что я лгу? Что то, что я видела собственными глазами, — вымысел? Что я выступаю в роли весёлого затейника и развлекаю вас байками и сказками? — Ещё громче вскрикнула бабка принца.

Вокруг нас уже начала собираться маленькая толпа. От ужаса у меня пересохло горло, и я сделала маленький глоток шампанского. Ситуация развивалась столь стремительно, что я просто не поспевала за происходящим.

— Как вы можете ставить слова Её Величества под сомнение?

Снова еле слышным, практически беззвучным голосом произнесла главная статс-дама двора.

— Неужели вы настолько не уважаете главу рода Винтерхейлов?

Главой рода Винтерхейлов был давно отошедший в мир иной прапрапрадед нынешнего короля. Даже я это знала после одного-единственного посещения библиотеки. Но в нынешних обстоятельствах решила никому об этом не напоминать, дабы ещё больше не раздувать конфликт.

— *Я уважаю всех членов семьи моего жениха.*

Не знаю, каким чудом мне удалось выдавить эти слова сквозь сжатое горло, удержать маску невозмутимости на лице.

— И я считаю, что бал в честь помолвки — не самое подходящее место для обсуждения подобных тем.

Вокруг нас уже собралась нешуточная толпа зевак. Я, Ланель Тейнс и Надин оказались в эпицентре этого пиршества любопытства. Лица аристократов просто горели нездоровым интересом: *ещё бы!* Вдовствующая королева публично ставила на место престарелую невесту их обожаемого принца! Даже по высшей милости Богов они не могли представить себе такого зрелища!

Среди множества лиц мелькнул юный лик той самой девицы, что в начале праздника тыкала в меня веером и заливалась смехом. Вдали замаячила встревоженная физиономия короля. Но где, к демонам, главный виновник торжества?

Где Эйдариан?!

Ланель Тейнс вдруг тонко улыбнулась — так, будто я только что ляпнула несусветную глупость. Придворные за нашими спинами перешёптывались всё громче, но приблизиться не осмеливались.

Вдруг зал качнулся. Боль в груди стала невыносимой! Звуки расплылись и слились в вязкий гул. Блеск люстр и драгоценностей резанул по глазам, и на миг всё поплыло. Сердце бешено заколотилось, дыхание перехватило. Сквозь подступающую дурноту я едва различала чужие голоса.

И тут одновременно произошли две вещи.

Леди Тейнс слегка наклонила голову и произнесла что-то столь тихо, что её голос даже не достиг моего слуха. Я машинально отвлеклась на неё — и не заметила, как Надин стремительным движением шагнула ко мне, оказавшись впри-

тык, лицом к лицу. Её костлявые пальцы вцепились в моё предплечье, а ухо обожгло свистящим шёпотом:

— Ты только о членах и думаешь, да, старая потаскуха?! Что, в Империи на тебя больше никто не ведётся? Пришлось ехать в Эльдоран за свежей порцией внимания?

Я не просто удивилась.

Я остолбенела.

Вдовствующая королева резко отшатнулась назад — будто от удара. Её руки взметнулись в драматическом жесте, и с громким воплем она рухнула на пол, юбки взметнулись облаком шёлка. Со стороны, должно быть, и впрямь могло почудиться, что это я оттолкнула её — ведь мы стояли вплотную, и никто не разглядел бы, чьё движение было первым.

— Она ударила меня! Толкнула! Едва не зашибла насмерть!!! — завопила Надин так, что её крики прокатились по всему бальному залу, достигая самых дальних углов. *— О, моя нога! Я не могу встать! Как больно! Боги, как же больно!*

И она разразилась целым водопадом слёз.

Я стояла ни жива ни мертва. Да, я знала, что королевское семейство относится ко мне прохладно — если не ледяно. Но такого представления не ожидала. Бабка Эйдариана драматично распласталась на полу, согнув ногу под пышным платьем, и рыдала так, будто эту ногу ей как минимум отпиливали циркулярной пилой без анестезии.

В зале воцарилась зловещая тишина. Музыка смолкла.

Танцующие пары распались. Гости замерли, затаив дыхание.

— *Матушка!*

К нам наконец-то пробился король.

— Что случилось?

— Филипп, дорогой мой сын! — Надин, всё ещё рыдая навзрыд, протянула к королю дрожащие руки. — Ты только посмотри, что со мной сделала эта кентерийская ведьма! *Она едва меня не убила!* Я даже встать не могу!

Гнев разгорался во мне всё сильнее с каждым словом, что извергал ее лживый рот. Даже если принять за правду, что я якобы толкнула вдовствующую королеву — её повреждённая лодыжка никак не тянула на попытку убийства. А учитывая, что я даже пальцем её не тронула, всё сказанное ею было вопиющей, наглой ложью.

Язык жгло от непроизнесённых слов. Каждая невысказанная фраза кипела внутри, царапала горло, рвалась наружу — но я не могла ничего сказать. *Только не сейчас.* Не здесь. Не перед этой стаей хищников, жаждущих увидеть мою кровь на блестящем мраморном полу.

Любое моё слово — всего одно-единственное злосчастное слово! — лишь усугубит всё. Царственная бабка вывернет любую мою фразу себе на пользу. И без того безнадёжная ситуация обернётся настоящей катастрофой.

Молчи. Держись. Держись.

Мантра билась в висках, эхом отдавалась в груди. Но я знала цену каждому слову, что могло сорваться с моих губ.

И эта цена была бы ничтожна. Кто такая я, в конце концов, чтобы спорить с вдовствующей королевой?!

Никто. Пустое место. Выскочка, причем далеко немолодая, которую можно смести одним царственным взмахом руки.

В глубине души бушевал настоящий пожар из гнева и ярости. Я понимала: эта безобразная сцена — не просто конфликт между нами. *Это битва за будущее*. За право дышать свободно в этом проклятом зале.

И эту битву начала не я.

— Стража, помогите Её Величеству встать, — отдал приказ король.

Но прежде чем гвардейцы успели сделать хоть шаг, к Надин слетелось целое облако аристократов — квохчущих, суетящихся, наперебой предлагающих помощь.

— Ваше Величество, обопритесь на меня! — В высоком блондине я узнала Фредерика Боуэлла. — Если понадобится, я на руках донесу вас до ваших покоев!

— Я умираю! — снова взвыла вдовствующая королева. — Я не чувствую ног!!!

Король Филипп бросил на меня острый, пронзительный взгляд. Но — к моему великому счастью — прилюдно комментировать вопли своей августейшей матушки не стал.

— Мы позовём в твои покои лучших лекарей, — мягко убеждал он мать, которая, окружённая Вторым Советником и толпой любопытствующих придворных, медленно ковыля-

ла к выходу. — Всё будет хорошо, я в этом не сомневаюсь.

— Ох, Филипп, мне так больно… — снова простонала вдовствующая королева с таким надрывом, будто её пытали раскалённым железом.

Наконец-то, под беспрестанные ахи и охи вдовствующей королевы, вся эта суетливая процессия аристократов под предводительством короля покинула бальный зал.

А я осталась стоять в центре. *Одна*. Под десятками пар глаз, сверлящих меня с нескрываемым любопытством и злорадством.

Глава 6

Вокруг меня образовалась настоящая зона отчуждения.

Оставшиеся в зале аристократы прожигали меня взглядами издали — женщины перешептывались, прикрывая рты веерами, мужчины неодобрительно косились. А я стояла в этом вакууме совершенно одна, судорожно сжимая бокал шампанского и стараясь не сгорбиться под тяжестью обрушившихся невзгод.

Раньше я была для них просто невзрачной старухой-невестой принца. Неприятной, но незначительной. А теперь? *Теперь я превратилась во врага королевской семьи.*

И если в начале вечера одиночество казалось просто неприятным, то сейчас оно стало невыносимым — как удавка на горле.

Ни одного человека. Ни одной доброй души. Никого, кто

бы сказал хоть слово поддержки.

Впервые с момента попадания в этот мир я по-настоящему осознала всю серьёзность происходящего. Это не фантастическое приключение. Не сказка со счастливым концом. Не дамский роман, где принц без ума влюбляется в невесту и под восторженные вопли толпы надевает ей кольцо с огромным бриллиантом.

Это моя жизнь. Жизнь с высокими ставками, где играют по-крупному. И проигрывают тоже.

Меня резко пробил озноб. Скребущее чувство в груди никуда не ушло — наоборот, только усилилось. Новая волна тревоги накатила с такой силой, что дыхание перехватило.

Боги, у меня что, панические атаки начались?!

Внезапно кожу обожгло чужим взглядом. Я резко обернулась.

И наткнулась на обладателя мутно-голубых глаз.

Эдгар Земейкис. Личный маг королевской семьи.

Он стоял у одной из колонн бального зала, небрежно прислонившись к мрамору, и изучал меня пристальным, нездоровым взглядом. Я физически почувствовала его прикосновение. Липкое. Холодное. Чужое.

Меня передёрнуло.Его взгляд вызывал иррациональный ужас, который я не могла объяснить. Словно он видел не меня, а что-то… внутри меня.

— Лилабелль, ты, конечно, редкостная дура! — визгливый голос за спиной заставил меня вздрогнуть. — Просто

редкостная! Устроила представление на весь дворец! Мы ведь ясно тебе говорили: сиди тихо и не высовывайся!

Я обернулась.

За моей спиной стоял уже знакомый маркиз Тобальт, а рядом с ним — невероятно толстый мужчина в дорогом бархатном жилете с золотыми пуговицами. Должно быть, тот самый барон Фише, о котором я столько слышала, — догадалась я.

Ещё при первой встрече я подумала, что маркиз словно арбуз проглотил. Но на фоне своего напарника Тобальт смотрелся образцом стройности: если он ограничился одним арбузом, то барон, судя по объёмам, в одиночку зачистил целую бахчу — и закусил продавцом.

— Барон Фише прав, — прозвучало со стороны Тобальта. — Мы давали тебе чёткие инструкции ещё в пути: бывшая королева Надин на редкость скандальна! После смерти мужа она стала совершенно невыносимой. Что в этом было сложного? Ты должна была молча кивать, смотреть в пол и соглашаться с каждым её словом!

— Скажи спасибо своему брату, Великому Императору, — процедил толстяк сквозь зубы, — что он соизволил вписать нас в список делегации. Иначе каждый наш шаг, каждое слово, даже каждый вдох казался бы окружению Винтерхейлов заговором. Один только ублюдок Локсли уже доставил нам столько проблем, что хватит на год вперёд!

«Ублюдок?!" Мне герцог Локсли показался на редкость

сдержанным и умным мужчиной. Видимо, для кентерийцев сдержанность и ум настолько тяжкие пороки, что назвать такого человека иначе у них просто язык не поворачивается.

Интересно, почему?

— Ты привлекла к себе внимание всего дворца! — продолжал шипеть барон, и лицо его наливалось багрянцем. — Мало нам Первого Советника на хвосте, так теперь ещё и глава Тайной Канцелярии приставил к нам своих людей! Нет, ну что ты за идиотка! Даже со взбалмошной каргой не справилась! Есть ли смысл поручать тебе хоть что-то, если ты и такую мелочь провалить умудряешься?!

Что-то внутри меня щёлкнуло.

— Вы бы сначала похудели хоть немного, Ваша Милость, прежде чем так вопить, — холодно бросила я, глядя барону прямо в глаза. — А то с вашим весом и до удара недалеко.

Повисла тишина.

Да, некрасиво. Да, неприятно. Я всегда считала зазорным высмеивать чужую внешность, ведь и сама далеко не идеал. И никогда себе такого не позволяла.

Но сейчас?

Сейчас мне было плевать.

У меня давно никто не вызывал такого редкостного омерзения, как эти двое мужланов. Надин я ещё могла по-своему понять — старая ведьма защищала свою семью. А эти… Эти просто получали удовольствие, оскорбляя и унижая меня.

Уроды голубых кровей.

— Что ты сказала?! — барон, казалось, не поверил своим ушам. Он раскраснелся ещё больше, а шея приняла фиолетовый оттенок.

— Вы прекрасно слышали, — я выдержала его взгляд и холодно улыбнулась. — Дважды повторять не в моих привычках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.